

ИНЕССА ДАВЫДОВА

ПОКА НЕ ВИДИТ
СОЛНЦЕ

Инесса Давыдова

Пока не видит солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Давыдова И. Р.

Пока не видит солнце / И. Р. Давыдова — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

Тайна случайно найденного дневника навсегда перевернула жизнь Клары, увлекла в водоворот страстей не только её, но и близких людей. Древняя легенда внезапно обрела кровь и плоть. Все, чем она дорожила – семья, дружба, деньги, успешный бизнес – не имеет больше значения. Судьба вовлекает её в любовную драму, берущую истоки со времен кочевых племен. События развиваются стремительно, обрастая невероятными встречами, мистическими обстоятельствами и новыми загадками из прошлого. Шаг за шагом она идет над пропастью, распутывая чужие секреты, а заодно – разбираясь с узелками в собственной жизни.

Содержание

Глава первая. Дневник	5
Глава вторая. Первые испытания	22
Глава третья. Новые загадки	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Инесса Давыдова

Пока не видит солнце

Глава первая. Дневник

Ночь выдалась удивительно черной, будто небо заволокло нефтяным непроницаемым пятном. Воздух стухнул. Море накрыл слоистый и вязкий туман. Навалилась оглушительная и безжизненная тишина, поглощающая портовые и городские звуки.

У кромки воды стоял тучный мужчина и неотрывно смотрел на часы. Тяжелый вздох возвестил приближение долгожданного момента. Из рта вырвалось облачко пара и слилось с туманной дымкой. Он скинул ботинки, снял куртку и тут же почувствовал озноб. Накануне ему казалось, что в эти мгновения он ощутит радость облегчения от принятого решения, но его накрыло чувство невыносимого одиночества.

Прорвавшийся сквозь акустический барьер шорох заставил его вздрогнуть. Он оглянулся. Позади – потонувший в молочном тумане спящий город. Свет фонарей на набережной призрачно мерцал. Не было слышно ни единого звука, что было странно. Впрочем, задуманное им могло вызвать шок и играть с рассудком.

Звук повторился, теперь он походил на одиночный всплеск и шел от моря. Мужчина стал вглядываться в дымчатую пустоту. В метре от него сначала забулькала, а потом закипела вода. Образовалась дорожка, бегущая от берега к горизонту. Он попятился назад, уперся в скамейку и плюхнулся на сырые после дождя доски. Широко раскрыв глаза, он пристально смотрел на происходящее и напрочь забыл о том, что собирался сделать.

Сначала на поверхности воды он разглядел голову, потом плечи. Из моря вышел обнаженный мужчина с синюшным телом и прямым пошел к скамейке.

– Какой же вы рохля, Павел Игнатьевич! Вы же к этому готовились целый год. Раз приняли решение, надо действовать. А сомнения всегда будут. Такая уж у человека натура – все ставит под сомнение.

Мужчина на скамейке судорожно хватал ртом воздух и издавал невнятные звуки, пытаясь спросить: откуда этот странный не то человек, не то морской обитатель знает, как его зовут.

– Идите по моим следам, – незнакомец показал на бурлящую дорожку.

– Зачем? – робко спросил Павел Игнатьевич.

– Не почувствуете боли. Из-за нестерпимой боли в последние секунды самоубийца жалеет о принятом решении, но зачастую бывает уже поздно.

Синий человек начал усиленно растирать кожу на всем теле, от трения она оживала, принимая естественный оттенок.

– Но в вашем случае страшно не умереть, а остаться. Так вы написали в своем прощальном письме. Верно, Воронов? Для вас все уже не имеет смысла. Вы хотите стереть пережитые события и начать все заново. Вот только не знаете, куда попадете после смерти. А я скажу вам. Вас ждет тьма! Непроглядная, дремучая, бездонная тьма. Все еще хотите туда?

Он наклонился, и Воронов увидел, как из глазных яблок на него смотрит та самая, только что описанная им тьма. Сердце заколотилось о грудную клетку. Тело сковал леденящий холод.

– Откуда... не пойму... – залепетал Воронов.

– Идите по моим следам, Павел Игнатьевич, это единственный совет, который я могу вам дать, – незнакомец прислушался. Бурление затихало. – У вас чуть больше минуты.

Человек из моря двинулся в сторону набережной.

– А вы кто?! – встрепенулся осмелевший Воронов.

– Спасибо, что спросили! Петр Иванович Тихонов. Но при жизни друзья называли меня Тихоня. Мы не встречались, если вы так подумали, – он остановился и еще раз показал в сторону моря: – Тридцать секунд! Потом я бессилён.

Сработал электронный таймер будильника, настроенный на местную радиостанцию. От визжащего женского голоса супруги Афанасьевы вздрогнули и в унисон застонали. Клара ощутила прикроватную тумбочку и наотмашь накрыла будильник ладонью. В комнате снова воцарилась тишина. Через заданный интервал последовала вторая попытка пробуждения, оказавшаяся более лиричной.

Клара блаженно потянулась и заставила себя подняться с кровати – утро расписано поминутно, мешкать нельзя. Подошла к эркерному окну, на ходу надевая шелковый халат, распахнула занавески и сощурилась от яркого и по-осеннему теплого солнца. Через открытую форточку в комнату просачивался увлажненный морем воздух. Клара задержалась у окна, разглядывая усыпанные пожелтевшими листьями пустынную детскую площадку и вереницу припаркованных машин, затем собрала длинные каштановые волосы в пучок, зыркнула на мужа и зашагала в ванную.

– Да выключи ты эти завывания! – Аркадий повернулся на другой бок и накрыл голову подушкой.

Вчера за ужином супруги повздорили. Аркадий получил назначение на новую должность в Элисте. Клара переезжать категорически отказалась. Здесь, на побережье Черного моря, у дочери нормализовалось здоровье. Второй причиной, препятствующей переезду, Клара считала открытый ею цветочный салон с тривиальным названием «Букет от Клары». После открытия не прошло и месяца, а уже появились постоянные покупатели. Все это она подробно изложила мужу, но он назвал ее аргументы малосущественными, и разговор зашел в тупик.

Она наивно полагала, что, встретив ее сопротивление, муж откажется от должности, но за завтраком поняла, что мысль об отъезде прочно засела в его в голове. Аркадий демонстрировал недовольство, не смотрел в ее сторону и через раз отвечал на вопросы дочери. После завтрака он поцеловал Полину и, проигнорировав Клару, ушел, громко хлопнув дверью. Такую реакцию муж демонстрировал каждый раз, когда жена осмеливалась придерживаться собственного мнения.

Клара положила ноты в рюкзак и повела дочь к репетитору. По пути Полина украдкой поглядывала на маму, пытаясь угадать ее настроение, но лицо Клары оставалось непроницаемым. За двенадцать лет семейной жизни Аркадий не раз проявлял категоричность в своих решениях, и Клара, чтобы избежать скандалов, научилась скрывать обиды.

Дом репетитора по музыке Юлия Моисеевича располагался недалеко от моря. В хорошую погоду Клара, передав дочь репетитору, гуляла вдоль набережной, вдыхая влажный воздух. Море наполняло энергией на весь оставшийся день.

Клара подошла к двери, нажала на кнопку звонка, услышала шаркающие шаги. Дверь открыл пожилой мужчина невысокого роста с торчащими во все стороны, как после удара тока, кудряшками.

– Здравствуйте, Юлий Моисеевич! – Полина побежала к роялю, на ходу стягивая с себя пальто.

– Доброе утро, – тоскливо поздоровалась Клара.

– Приветствую вас, барышни! – любезно отозвался репетитор и, взглянув в лицо Клары, спросил: – Чем это, Кларочка, вам не угодило сегодняшнее утро?

– Она не хочет переезжать в Калмыкию! Папа на нее из-за этого сердится! – Полина с важным видом уселась на табурет перед роялем.

– Дурные вести бегут, хорошие плетутся, – изрек Юлий Моисеевич и, прихрамывая, прошел к инструменту, выбрал из стопки нотный сборник и протянул Полине: – Начни с этого, а мы с твоей мамой пока попьем чайку.

– Ой, не надо, Юлий Моисеевич, – запротестовала Клара и попятилась к двери. – Мне неудобно отрывать вас от занятий.

– Возражения не принимаются, – безапелляционно провозгласил репетитор и жестом пригласил Клару пройти на кухню.

Он залил чайный пакетик кипятком, щедро сдобрил сахаром и протянул кружку госте. От сахара она давным-давно отказалась, черный чай не переносила, но сказать об этом постеснялась.

– Итак, что задумал ваш муж?

– Его повышают в должности и переводят в Элисту. А мне все эти переезды порядком надоели. Я, словно жена военного, – всегда на чемоданах.

– Н-да, переехать из курортного Сочи в степи Калмыкии, скажу я вам, приятного мало. В советские времена этот город назывался Степной – подлинно красноречивое название, – философски изрек Юлий Моисеевич, но услышав, как Полина фальшивит, стукнул по столу и гневно прокричал: – Не ходи по соседям! Ре минор, опять на том же месте! Будь внимательна!

От резкой смены интонации Клара опешила и с удивлением взглянула на репетитора: она и предположить не могла, что за обычной сладкоголосостью Юлия Моисеевича скрывается такой кипучий темперамент.

Полина дважды сыграла отрывок. Репетитор с умилением воскликнул:

– Ай да умничка! Говорю тебе это не за красивые глазки твоей мамы! Нужно стараться, и все получится!

Когда он повернулся к Кларе, она продолжила:

– Мне нравится моя работа! Появилось чувство собственной значимости, пусть это звучит и не совсем скромно. Кем я была до этого? Жена и мать. Сейчас я дарю окружающим красоту и радость.

– Кстати, как поживает ваш магазин? – переключился на свою любимую тему репетитор.

– Закончили оформление. Дали объявление в газеты. Подключили интернет-рекламу. Потихоньку набираем клиентуру.

– И когда вы должны будете переехать?

– Муж сказал, что ответ нужно дать не позднее конца недели.

Из гостиной послышался робкий голос Полины:

– Я закончила, что мне дальше играть?

– Пойду, проветрюсь. – Клара взяла сумку, поблагодарила Юлия Моисеевича за чай и покинула квартиру.

Как обычно прогулка началась с набережной, затем Клара спустилась к пляжу и пошла вдоль пустынного берега, усыпанного галькой. Дошла до конца пирса и заметила мужчину лет пятидесяти, который босиком, с закатанными по колено брюками, стоял у кромки воды. Одет изысканно – таких щеголей редко встретишь в Сочи. Взгляд незнакомца тщательно ошупал горизонт и остановился на проплывающей мимо барже. Губы мужчины непрерывно шевелились, а пальцы левой руки, будто передавая секретный код, с разной периодичностью сжимались и разжимались. Мужчина вошел в воду по щиколотку.

Трель мобильного оторвала Клару от объекта наблюдения.

– Привет, ты не поверишь, за утро мы получили три заказа с сайта, – затараторила ее помощница Лиля.

– Замечательно, – обрадовалась Клара.

- Во сколько ты приедешь?
- Отвезу Полю в школу и сразу в салон.
- Хорошо, а то мне нужно сегодня пойти к врачу.
- Ты заболела?
- Увидимся в магазине, тогда и поговорим.

Клара уже хотела уйти с пляжа, но в глаза ей бросилась аккуратно сложенная стопка вещей. Толстая тетрадь в кожаной бордовой обложке лежала поверх мужских новых туфель. На ней приютился черный кожаный бумажник с логотипом модного бренда и записка, прижатая камнем. Клара не удержалась и прочла записку:

«Без любви жизнь не имеет смысла»

Оглядевшись по сторонам, Клара увидела, что мужчина стоит уже по пояс в воде, и закричала:

– Эй! Вы что делаете?! Выходите немедленно!

Незнакомец не реагировал. Когда его плечи погрузились в воду, она крикнула еще громче:

- Вы меня слышите?! Я хорошо плаваю!
- Кому ты кричишь?

Клара обернулась и увидела на скамейке двух алкашей с заплывшими лицами. Между ними стояли бутылка водки и два стаканчика, вырезанных из пластиковых бутылок.

– Этот человек хочет утопиться! – крикнула она, подбегая ближе.

В нос ударил смрад, вызывая дурноту, словно она находилась рядом с помойкой у общественного туалета.

– Помогите его вытащить! – Клара то пылливо всматривалась в водную гладь, то поглядывала на набережную в надежде найти других помощников.

Тот из собутыльников, что сидел ближе к ней, громко икнул и, потрянув засаленными волосами, театрально завопил:

– Не мешай человеку, пусть топится! Может, у него жизнь такая, может, выбора нет! – Из носа потекли сопли, на шее вздулись вены. – Вот пойду сейчас и тоже утоплюсь.

В недоумении Клара отшатнулась, а потом и вовсе побежала к пирсу, продолжая попытки докричаться до того, кто решил свести счеты с жизнью.

Со второй попытки алкаш поднялся и, шатаясь, побрел к воде. Его приятель приподнял недопитую бутылку водки и громко окрикнул собутыльника:

– Боцман! Давай еще по одной, потом пойдешь топиться!

С тоской первый алкаш взглянул на бутылку и погрозил шрамированным пальцем.

– Он смелый мужик! – Качаясь, он побрел обратно, указал в сторону моря и, уже тише, добавил: – А мне надо бухнуть для храбрости.

Но сначала он решил произвести на Клару впечатление: еле передвигая заплетающимися ногами, попытался изобразить матросский танец «Яблочко», не удержался и со словами: «Полундра, я тут пришвартуюсь» завалился на бок.

Приятель протянул ему наполненный стакан и огурец.

– За свободу выбора, Боцман! Будем!

Клара поняла, что помощи от них не дождешься, и с тревогой еще раз осмотрела водную поверхность. Голова незнакомца скрылась под водой, на поверхности изредка появлялись пузырьки воздуха. Не думая о последствиях, она решительно сбросила с себя стеганую куртку, кроссовки и забежала в воду.

Тучи, окрашенные багрянцем, словно в ускоренной съемке, заволокли небо. Воздух сгустился и был пронизан атмосферным электричеством. Клара подплыла к месту, где видела мужчину в последний раз, вобрала в легкие побольше воздуха и нырнула. После нескольких безуспешных попыток она хотела уже вернуться назад, но в десяти метрах от нее на поверх-

ность воды всплыл большой пузырь. Клара быстро поплыла в ту сторону и, сделав глубокий вдох, снова ушла под воду.

Внизу она разглядела темный силуэт. Ей показалось, что мужчина просто шел по дну, пока у него на это хватало сил и запаса воздуха. Ее рука почти достала до его головы, но мужчина сделал резкий рывок вперед, и ее пальцы лишь коснулись его волос, извивавшихся в воде, как водоросли.

Клара вынырнула, отдышалась и снова хотела уйти на глубину, но кто-то схватил ее за пояс джинсов и вытянул на поверхность. Вода застилала глаза, Клара трянула головой и увидела одного из алкашей. Он показал ей в сторону набережной и протрезвевшим голосом закричал:

– Греби к берегу! Ты его не вытянешь!

Его собутыльник плыл в их сторону.

– Он идет по дну!

– Разберемся! Отчаливай! – Он сделал глубокий вдох и нырнул.

Клара ощутила, насколько сильно замерзла: губы посинели, озноб бил с такой силой, что, казалось, зубы вот-вот раскрошатся, как в дробильной машине. Руки и ноги немели от холода. Из последних сил она доплыла до берега и вышла из воды.

Вдалеке послышалась сирена скорой помощи. На пляж стягивались зеваки.

С минуту Клара откашливалась и восстанавливала дыхание, затем скрутила волосы в спираль и выжала воду. Куртку ветром отнесло к пирсу. Она подбежала к ней, еле втиснула мокрые руки в рукава и накинула капюшон.

Со стороны набережной послышался крик дочери, Клара увидела Полину и репетитора. Добежав до матери, девочка испуганно запрочитала:

– Юлий Моисеевич увидел, как ты нырнула в воду, и мы сразу побежали сюда! Что случилось?

– Успокойся, Поля, все в порядке, я просто хотела спасти мужчину, который тонул, – Клара сжала дочь в объятиях, но тут же отстранилась, чтобы ее не намочить.

– Кларочка, а что с инстинктом самосохранения?! – гневно прокричал репетитор. – Вы что, с ним поссорились?!

Не успела Клара ответить, как загудела толпа. Она обернулась и увидела двух собутыльников, плывущих к берегу. Тот, кто ранее пытался танцевать, придерживал голову утопленника. Им навстречу бросились два парня. Вместе они вытащили мужчину на берег и начали делать ему искусственное дыхание. В этот момент багровые облака сменили свой окрас на угрюмо-серый, ветер погнал их на север – к горам.

К месту происшествия подъехала скорая помощь, и два врача устремились по лестнице вниз. Подбежали к пострадавшему и приступили к реанимации. Но не прошло и минуты, как врач зафиксировал смерть, и утопленника прикрыли простыней. От осознания, что все ее действия оказались бесполезными, в Кларе что-то надломилось. Она зарыдала в голос, будто только что погиб близкий человек.

Укутавшись в одеяло, Клара сидела в машине скорой помощи и рассказывала о случившемся следователю Юрию Уварову – высокому брюнету спортивного сложения, лет тридцати пяти. Едва увидев симпатичную свидетельницу, он заметно оживился и не отходил от нее ни на шаг.

К опросу следователь приступил после того, как где-то раздобыл для Клары горячую кружку кофе. Обжигаясь, она отпила половину и поблагодарила. Худошавый и на голову ниже следователя его напарник был не в восторге, от того, что ему пришлось допрашивать двух алкашей. Заметив интерес Уварова к свидетельнице, он скривился в ухмылке.

– Вы совершили смелый поступок, – похвалил ее Уваров, томно улыбнулся, но не встретив ответной реакции, вернулся к работе и записал в блокнот адрес ее прописки.

– Мой муж с вами не согласится, – этим заявлением она намеревалась пресечь его попытки заигрывания.

– Вы замужем? – Не дожидаясь ответа, следователь пролистал страницы ее паспорта и, увидев штамп о регистрации брака, вернул свидетельнице. – Значит, утопленник никак не реагировал на ваши окрики?

Немного подумав, Клара помотала головой.

– Он смотрел только вперед. Как только груженная баржа ушла с его курса, он вошел в воду и пошел по дну. Было жутко, показалось, будто он робот, а не человек.

– Может, глухой? Или под кайфом был, – предположил подошедший к ним напарник следователя и добавил, обращаясь к Уварову: – Тут все ясно. Я в Управление. Закончишь сам, Юрон? У меня дел, как у Барбоски блох.

– Конечно, – Уваров подмигнул Кларе и расплылся в улыбке. Наличие у дамы мужа не охладило его пыл.

Рядом с машиной скорой помощи припарковался «мерседес» Аркадия. Полина, все это время бродившая вдоль берега, бросилась к отцу. Клара отдала следователю кружку и одеяло.

– Я вам уже все рассказала. Телефон мой вы записали. За мной приехал муж. Мне нужно срочно принять горячую ванну и переодеться, иначе заболею.

Следователь помрачнел, оценил внушительную фигуру Аркадия и прожег его ревнивым взглядом, затем выпрямился во весь рост и нахохлился.

– Вот моя визитка, завтра вам нужно приехать в Управление и подписать показания, – сухо сказал следователь Кларе.

Аркадий речитативом закидал жену вопросами:

– Ты что, сдурела? Зачем полезла в воду? Ведь и сама могла утонуть. Ладно обо мне, о дочери ты подумала?

Клара устало смотрела на мужа и хранила молчание. Сейчас Аркадий не готов внимать каким-либо объяснениям. Опустив виновато голову, Клара пошла за ним к машине. Он прав, о дочери в тот момент она не думала.

На ходу Клара оглянулась и встретила взглядом со следователем.

Аркадий раздраженно прокричал:

– Ты садись, или как?!

Клара съезжилась и поспешно села в машину.

– Теперь сиденье будет мокрое, а я через час повезу шефа в мэрию! Он меня с утра еще предупредил, а ты как нарочно!.. – проворчал муж.

На следующий день Афанасьев припарковал «мерседес» у здания Следственного управления Сочи. Он опаздывал на важное совещание, но оставлять Клару наедине со следователем не хотелось, и Аркадий деловито последовал за женой. Супруги прошли по длинному коридору, обнаружили на одной из дверей табличку с фамилией следователя, и постучали.

Дверь тут же открылась, как будто их поджидали. Уваров с сигаретой в зубах жестом пригласил Афанасьевых войти, приоткрыл окно и затушил окурок в керамической пепельнице в виде футбольного мяча.

Тесный кабинет еле вмещал два письменных стола, несколько мягких офисных стульев на металлических ножках и сейф.

– Добрый день. Присаживайтесь, – следователь, явно разочарованный присутствием Аркадия, указал на стулья. Когда супруги разместились, он придвинул к ним лист бумаги. –

Клара Владимировна, это ваши показания, если вспомнили что-нибудь еще, допишите своей рукой.

Бегло пробежавшись по тексту, Клара подняла на него глаза и покачала головой:

– Мне нечего добавить.

– Тогда допишите в конце: «С моих слов записано верно, мною прочитано». Подпишитесь и поставьте сегодняшнее число – двенадцатое октября 2012 года.

– Вы установили личность утопленника? – Клара дописала дату, поставила размашистую подпись и вернула листок следователю.

– С утопленником вышла неразбериха. При нем не обнаружено документов.

– А в бумажнике нет кредиток или водительских прав?

– Бумажник не его. В нем документы на имя Тихонова Петра Ивановича. Пять лет назад он выехал на постоянное место жительства в США. Сейчас мы связываемся с американским посольством и прогоняем по базе его отпечатки. Он месяц снимал квартиру неподалеку от места происшествия, – следователь пристально следил за мимикой супругов, перекатывая по столу авторучку с олимпийской символикой

– Постойте, что вы хотите этим сказать? – Клара в недоумении уставилась на Уварова. – Вещи, что лежали стопкой, и прощальная записка не принадлежат утопленнику?

– На фотографиях, обнаруженных в квартире, точно не утопленник. Тихонов – высокой, плечистый, приятной наружности, а утопленник – тучный, приземистый, почти лысый. Судя по описанию, вы видели Тихонова. Он был тем еще франтом.

– А из воды вытащили другого? Два утопленника в один день на одном месте? Фантастика. А тела Тихонова не нашли?

– Нет. Прочесали всю акваторию. Трупов в воде нет. Значит, вы утверждаете, что в его личных вещах видели тетрадь?

– Толстая бордовая тетрадь лежала между туфлями и бумажником.

Уваров одарил ее пронзительным взглядом и слегка прищурился.

– Странно, никто из свидетелей тетрадь не видел.

– Может, кто-нибудь стащил ее, пока толпа следила за утопленником? – предположил Аркадий и обеспокоенно посмотрел на часы.

– Тогда почему не украли бумажник? – Уваров перевел взгляд на Клару: – Попробуйте вспомнить: вы видели тетрадь после того, как вышли из воды?

Клара подняла глаза на следователя и уверенно произнесла:

– Тетрадь лежала поверх туфель.

– Ни дать ни взять – загадка, – подметил Уваров и шутливо спросил: – Как там говорится? «Кто загадку разгадает, тот слезы проливает»?

Клара пожала плечами и с мольбой посмотрела на мужа.

– Если у вас все, то мы пойдем. Нам нужно на работу, – Аркадий вскочил и протянул руку жене.

– Вопросов больше нет, вы можете идти, – официальным тоном резюмировал следователь и приобщил показания свидетельницы к делу.

Когда Афанасьевы выходили из Следственного управления, у центрального входа журналисты расставляли камеры.

– Что здесь происходит? – удивилась вслух Клара.

– Не знаю и знать не хочу, – буркнул Аркадий и помог ей сесть в машину. – Он обошел «мерседес» и сел за руль. – Вчера мы с директором обсуждали джоб-оффер. Мне предлагают оклад, помноженный на два, плюс проценты с оборота. Это больше, чем я рассчитывал. Думаю, такое предложение нельзя упускать.

Клара мужа не слушала. Закусив губу, она не сводила глаз с журналистов. Ее распирало любопытство. По какой причине они столпились перед Управлением? Уж не из-за утопленника ли?

За ужином тишину прерывал только лязг столовых приборов о фарфоровые тарелки. Никто не решался начать неприятный для всех разговор. Аркадий откупорил бутылку вина и протянул бокал жене.

– Наша будущая квартира расположена в элитной новостройке, рядом со школой и торговым центром.

Он вынул из портфеля стопку фотографий и стал поочередно протягивать Кларе. Она, рассмотрев снимки, передавала их дочери.

– Мне выделяют машину и личного водителя, – продолжил Аркадий, – ты сможешь ни о чем не беспокоиться и спокойно заниматься своими делами, Полину отведут в школу и заберут. В нашем подъезде есть консьержка, с которой можно договориться, чтобы она присматривала за Полей. Покормит, сделает с ней уроки и при случае останется на ночь, если мы решим сходить куда-нибудь развлечься.

Полина с недовольным видом отшвырнула снимки и прокричала:

– Я не хочу жить в степях! Вы не можете меня заставить!

От обиды у нее задрожали губы, на глаза навернулись слезы. Девочка убежала в свою комнату и громко хлопнула дверью.

Аркадий снял галстук и повесил на соседний стул, затем расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, взял бокал с вином и подошел к окну.

– Я тебя понимаю, Клара. Жаль терять такой прекрасный вид из окон, друзей, которых мы здесь приобрели, но выбора нет, нужно ехать, и как можно скорее. Через две недели я должен буду вылететь в Москву, а до того момента нужно принять дела, провести аудит, познакомиться с коллективом.

– Не поняла. Что ты хочешь этим сказать? Мы что, по-твоему, должны собраться за две недели?

– За одну. Точнее, за пять дней.

– С ума сошел? – Клара округлила глаза, не веря в то, что слышит.

– У нас нет выбора. На мою должность назначен новый человек, мы должны освободить служебную квартиру уже к выходным.

– Но это невозможно! Как, по-твоему, я за пять дней соберу все вещи, упакую мебель и закрою бизнес? У меня за три месяца вперед по договору оплачена аренда и набраны заказы. У Полины только начался учебный год.

Муж счел нужным прокомментировать только последний аргумент:

– Вот именно, учебный год только начался. С учетом выходных Поля не будет учиться от силы пару дней, пока мы будем распаковывать вещи.

– Вижу, ты все продумал! Важна только твоя работа! Моя в счет не идет! – выпалила Клара и выскочила из гостиной.

– Потому что только она нас кормит! – крикнул ей вслед муж.

Клара зашла в детскую. Полина лежала на кровати, закинув руки за голову, и смотрела в потолок.

– Почему взрослые такие сложные? Почему вы не живете, как хотите? Ты всю жизнь любила цветы, но только в прошлом году выучилась на ландшафтного дизайнера. Мой папа не любит свою работу, но каждый день ходит в офис, и теперь из-за этой нелюбимой работы мы должны переезжать.

Клара взглянула на часы.

– Дорогая, тебе пора спать. Завтра в восемь утра занятие у Юлия Моисеевича.

– Вот так всегда: когда взрослые не хотят признавать свою неправоту – они меняют тему, – назидательно произнесла Полина и с важным видом продефилировала в ванную.

Клара бросила вещи дочери в корзину для грязного белья и наглухо закрыла шторы. Сняла покрывало с кровати и сложила на кресле. Затем подняла подушку и оторопела от удивления. Перед ней лежала та самая бордовая тетрадь, которую Тихонов оставил на пляже.

Полина вышла из ванной, увидела тетрадь в руках мамы и от испуга замерла.

– Откуда это у тебя? – Клара строго посмотрела на дочь.

Полина виновато опустила голову.

– Сколько раз повторять? Не бери чужих вещей без спроса!

– Я взяла ее, когда ты сидела в скорой помощи, – захныкала Полина. – Я думала, она ничья.

Клара открыла тетрадь и бегло пробежалась по страницам. С первых строк стало понятно, что это воспоминания женщины.

– Ты понимаешь, что наделала? Ты украла с места происшествия улику. Сегодня у следователя я подписала показания, в которых нет ничего о том, что моя дочь забрала тетрадь. Выходит, что из-за тебя я солгала и тем самым нарушила закон.

– Мамочка, я так больше не буду! Я не знала, что эта тетрадь важна для тебя.

– Не для меня, Поля, а для следствия. Им нужно установить причину самоубийства. Эта тетрадь может дать ответы.

– Ничего она им не даст, – Полина отмахнулась, легла в кровать и накрылась одеялом, – там женщина описывает свою тяжелую жизнь.

– Ты что, читала ее?

– Не всю, несколько страниц, – смущенно ответила дочь.

– Поля, я тебя не узнаю! Как ты могла так поступить? Раньше ты себе такого не позволяла!

Девочка снова захныкала. В последнее время она часто совершала не свойственные ей поступки, и Клара не могла найти этому объяснений.

– Ложись спать, завтра после школы поговорим.

Клара вышла из детской и протянула мужу бордовую тетрадь:

– Посмотри, что я нашла под подушкой у Поли.

Проблемы с дочерью не раз растапливали лед между супругами, вот и сейчас Аркадий решил воспользоваться этой ситуацией и наладить диалог с женой. Он взял тетрадь и пролистал несколько страниц.

– Что это?

– Это та самая тетрадь, о которой меня спрашивали в Следственном управлении.

– Как Поля это объяснила?

– Она взяла ее почитать, пока я сидела в скорой, но почему-то никому об этом не сказала. Аркадий выборочно пробежался по тексту.

– Это чей-то дневник.

– Что нам делать, Аркаша? Надо отдать его Уварову.

Перспектива новой встречи со следователем главу семейства не обрадовала.

– Не стущай краски, – отмахнулся он и пошел в спальню. – Кому нужна эта тетрадь? Выбрось ее. Мы все равно переезжаем, через неделю все это будет уже не важно, – оглянувшись, он увидел, что жена за ним не последовала, а стоит посреди гостиной с тетрадью в руках. – Ты идешь спать?

– Нет, я пока не хочу. Ты иди, я присоединюсь позже.

Клара расположилась на диване и открыла дневник. На первой странице было выведено красивым женским почерком:

«Свою историю я начинаю описывать в больничной палате, здесь мое пребывание будет кратковременным. В моем распоряжении меньше трех месяцев. Подозреваю, что моя смерть будет немного отличаться от ухода других людей. Меня мучает вопрос: почему я пережила такой драматический и одновременно мистический опыт? В надежде найти ответ я решила записать свои воспоминания и заново проанализировать ключевые события.»

С самого рождения меня окружают мистика и драма. Эти две «подружки» никогда меня не покидали. Начну с того, что сейчас меня все называют Тамара, но при рождении родители дали мне имя – Венера. Родилась я 31.12.1956 года в семье водителя и домохозяйки. Мама у меня русская, а отец – казах.

С рождения я была хилым ребенком, мама постоянно лежала со мной в больницах. В три года я попала в реанимацию. Два дня родители не отходили от моей койки. В полночь наступила клиническая смерть, я не дышала две минуты, а когда очнулась, начала озираться по сторонам с выпученными от страха глазами, словно знакомилась с этим миром впервые. При этом мое сердце не билось, я не сделала ни одного вдоха. Затем я закрыла глаза и снова размерено задыхалась.

Мы жили в маленьком городке на границе с Китаем. Жизнь была трудной. Денег в семье всегда не хватало. Но родители любили друг друга и на трудности не обращали внимания. У мамы был звонкий смех, мягкая улыбка и восхитительный голос. Она была красивой женщиной, все мужчины в округе завидовали моему отцу.

Бабушка по отцу маму не любила и часто называла нищенкой. Ко мне она тоже всегда относилась настороженно, подарков не дарила, на семейные торжества не приходила. По праздникам мы встречали ее у соседей. Всякий раз, когда она видела нашу семью, губы у нее поджимались от ненависти, она начинала перешепываться со своей неразлучной подружкой, вид которой приводил меня в ужас.

Подругу звали Жупар. Лицо ее было искажено в вечной мучительной гримасе, будто каждый вдох приносил ей страдания. Дом Жупар стоял на окраине городка. С самого утра к нему выстраивалась вереница людей, желающих решить свои проблемы с помощью магии. За глаза ее называли колдуньей, но когда встречали, улыбались и раскланивались в приветствиях. Никогда не думала, что эта беззубая карга сыграет такую важную роль в моей жизни».

– Солнышко, – тихо прошептал Аркадий.

Клара так зачиталась, что не заметила, как муж вышел из спальни.

– Может, пойдешь спать? Я согрел для тебя постель. Уже за полночь, завтра рано вставать.

Аркадию хотелось продолжить прерванный разговор в более интимной обстановке, но главной его целью было оторвать жену от обнаруженного у дочери дневника. Ведь, найди она там сведения, которые помогут пролить свет на историю с утопленником, новой встречи со следователем не избежать.

– Ты иди, я еще немного почитаю, – ответила она в пустоту, не глядя на мужа, и снова углубилась в чтение.

«День, что навсегда изменил мою жизнь, я запомнила в деталях. Мне было десять лет. Стояла теплая осень. Я вернулась со школы и обнаружила у нас в гостях старуху Жупар. Она с шумом отхлебывала из пиалы чай и глазами, словно рентгеном, прощупывала меня и маму. Мама была очень вежлива, постоянно подливала гостям чай. Я ушла в спальню и оттуда услышала, как мама выкрикнула: «Тогда пусть это буду я!»

С этого дня мама начала таять на глазах. Она похудела, постоянно жаловалась на слабость в ногах и головокружение. Ее тошнило, и в конце концов она вообще отказалась от пищи. Папа отвез ее в больницу и больше я ее живой не видела. Когда ее увозили, мама

подозвала меня к себе и слабым голосом сказала: «Прости меня, Мышонок, не думала, что оставляю тебя так рано. Береги себя, поступай в жизни, как подскажет тебе сердце».

Не прошло и месяца после смерти мамы, как бабушка нанесла нам первый визит. Наигранно причитала о большой потере отца, потом, посмотрев на меня исподлобья, сказала, что в доме нужна хозяйка и мать для дочки. После этого бабушка стала часто звать папу одного на ужин, а за мной приходила присмотреть тетка, которая в его отсутствие шарילה по дому, как ищейка, выискивая мамини вещи. Собрав очередную партию в большой металлический таз, она выходила на задний двор и сжигала вещи в яме. Мне чудом удалось спасти от огня несколько маминих фотографий и пуховый платок, который прислали ей на день рождения родственники из Оренбурга.

Вскоре бабушка снова нанесла нам визит. Она долго рассказывала о богатой женищине, у которой недавно умер муж. У нее имелся двухэтажный дом, отара овец, табун лошадей и своя мастерская по пошиву одежды из икур. На этот раз отец слушал ее внимательно. Бабушка повела отца в свой дом. Как выяснилось потом, там его уже ждала богатая вдова. Отец вернулся домой пьяным и, прежде чем лечь спать, подошел ко мне, погладил по голове и сказал: «Скоро у тебя будет новая мама, ее зовут Куаньши».

Куаньши, в переводе с казахского, означает «счастье», но счастья мачеха в нашу семью не принесла.

Ее дом располагался на окраине города, ближе к горам. За домом, метрах в двухстах, была ферма, где содержались куры, овцы, лошади и еще был цех по выделке кожи. У мачехи было двое детей: сын, старше меня на три года и дочь моего возраста. Дети сразу приняла меня в итьки, не давали игрушек, толкали и насмехались. Их поведение явно забавляло мачеху, и, когда отец был на работе, мне сильно доставалось.

Через полгода мачеха решила выселить меня из дома и в качестве спальни выделила на ферме кладовую, в которой хранился хозяйственный инвентарь. С этого момента я ела на краю грязного стола, на котором разделявали мясо овец. В дом заходить мне строго запрещалось, за исключением больших праздников, когда отец выпивал и звал меня к себе. А когда он был пьян, мачеха не смела ему перечить. В такие дни я старалась досыта наестся и что-нибудь припасти на следующие дни. В остальном переезд оказался мне только на руку. Работники жалели меня, да и атмосфера на ферме была гораздо веселее, чем в доме.

В тринадцать лет из худящей девчонки я начала превращаться в девушку, это подметил сводный брат и стал меня преследовать. Как-то раз он подстерег меня у загона. Схватил за волосы и поволок в овраг. Я кричала и сопротивлялась, но он, зажав мне ладонью рот и нос, навалился всем телом. Когда от нехватки кислорода я начала задыхаться, кто-то ударил его сзади по голове, и он отключился. Солнце светило мне в глаза, лишая возможности разглядеть лицо своего спасителя, мелькнул мальчишеский силуэт. Я успела запомнить только белые волосы, родинку в виде полумесяца на его руке и отключилась».

Клара пролистая тетрадь – почти все страницы были исписаны. Уже в середине дневника почерк стал меняться, встречались исправления, рисунки на полях и размытый от крупных капель текст. Возникло искушение прочитать последнюю запись и на этом успокоиться, но уже через секунду она захлопнула тетрадь и решила, что прочтет дневник до конца.

В полночной тишине входная дверь визгливо заскрипела, слышались тяжелые шаги. Охранник поднял голову от монитора, где оценивал очередной расклад пасьянса, и, никого не заметив, громко сказал в пустоту: «Кто здесь?» Ответа не последовало. Он вышел в коридор, огляделся, и с удивлением никого не обнаружил. Почесал затылок и хотел уже уйти, как в секционной слышался металлический лязг. Поспешив на шум, он проверил каждый закоулок и нашел сонно посматривающих на него двух черных котов.

– Чертяки, как вы меня достали, – проворчал охранник и решил вернуться на пост.

Когда его шаги стихли, в центре длинного коридора проявилась мужская фигура в черном одеянии. В пустых глазницах мерцала тьма, кости обтягивала высохшая кожа, похожая на ореховую скорлупу. Расставив руки в сторону, ночной посетитель, пригнувшись, двинулся в сторону лестницы. За ним потянулись вьющиеся струйки черного дыма. Иногда они отделялись от общего потока, проникали в помещения сквозь стены и двери, а возвращаясь, издавали тихий гул, похожий на синусоидальный сигнал.

Загадочный посетитель спустился в подвал и вошел в помещение для хранения трупов. Его дымчатые помощники поочередно исследовали холодильные камеры и остановились на самой дальней. Выдвинув демонстрационную тележку, мужчина подкатил каталку и переместил тело. Наклонился и минуту вглядывался в опухшее лицо.

– Павел Игнатьевич! – он похлопал мертвеца по щекам. – Откройте глаза.

Не добившись желаемого результата, человек в черном вытянул руку над лицом покойного. Через минуту помутневшие глаза мертвеца резко распахнулись и безжизненно уставились на посетителя.

– Ну, как вам тьма? Не радуется, правда?

Покойный привстал и огляделся.

– Павел Игнатьевич, как вы и хотели, вечное упокоение вам уже обеспечено. Я оказал вам услугу, а теперь и мне нужна ваша помощь. Видите ли, мне самому вступать в контакт с людьми, по некоторым причинам, нельзя, поэтому придется воспользоваться вашим телом.

– П... п... му, – Воронов сделал глубокий вдох, наполняя живительным воздухом легкие. – Почему вы так постарели? Это же вас я видел на набережной...

– С вопросами придется подождать, – отмахнулся Тихонов костлявой рукой. – Мне нужно подробно изложить вам свое дельце, а потом мы вас немного преобразим.

Он помог Воронову подняться и сделать несколько шагов.

– Сами идти можете?

Покойный неуверенно кивнул и сделал пробный шаг.

– Вот и отлично, нам нужно пройти, тут недалеко...

Температура воздуха резко понизилась. Окна покрылись тонким кружевом инея. Чтобы согреться, охранник заварил чай и сделал пробный глоток обжигающего напитка. В пустынной тишине снова слышались шаги. Он вышел из регистратуры с кружкой в руке и застыл от ужаса. По коридору, высоко поднимая ноги, как цапля, разгуливающая по болоту, шлепал голый, приземистый, лысый мужчина. За ним тянулась водяная дорожка до самой лестницы. Он подошел к охраннику и вежливо спросил:

– Уважаемый, а что это за место?

– М—м—морг, – заикаясь от страха, ответил охранник.

– Я так и думал. Меня уполномочили вам сообщить, что я буду вынужден покинуть ваше заведение на непродолжительное время для выполнения некоей секретной миссии.

Охранник не знал, как в подобных ситуациях нужно действовать, поэтому бухнул первое, что пришло в голову:

– Э—э—э, вы кто? Как сюда попали? И почему голый?

– Как попал, не помню, кто меня раздел не знаю и вещей я своих не нашел, – Воронов оглядел образовавшуюся под ним внушительных размеров лужу. – Скорее всего, я умер, поэтому меня сюда привезли. Вы проверьте мои данные по компьютеру. Воронов Павел Игнатьевич. Самоубийство через утопление.

С потолка опустилось устрашающее черное облако и накрыло голову покойного.

Побледневший охранник попятился к стене. На плиточный пол со звоном упала кружка и разлетелась на части. Тьма, от которой он не мог оторвать взгляда, приковала к полу внезапно онемевшие ноги. Его забила мелкая, назойливая дрожь. В горле застрял тяжелый ком. Охран-

ник быстро слабел, чувствуя, как тьма вытягивает из него жизненные силы. Тело Воронова, напротив, с каждым мгновением преображалось: прояснились глаза, мышцы налились силой и упругостью, постепенно возвращалась память. Покойный осознал свою наготу и прикрыл ладонями интимную часть тела.

– Мне тут подсказывают, что с моими документами вышло недоразумение. Паспорт и бумажник остались в плаще, а он зацепился за корягу и бултыхается на дне моря. Так что вы, пожалуйста, сообщите кому надо мою фамилию, – он повторил имя, назвал адрес проживания и домашний телефон.

Тьма, что кружила над ним, сгустилась и загудела. Воронов зашел в регистратуру и снял с крючка вешалки длинное пальто. Заметив на полке забытую кем-то шляпу, водрузил на голову. Примерил туфли сменщика охранника, которые оказались ему велики, внезапно замер и прислушался: за окнами, неистово каркая, кружила стая ворон.

Охранник медленно скатился на пол и, не издавая ни звука, наблюдал, как Воронов, шаркая туфлями, вышел из здания. Окружившая его стая ворон, «повела» в сторону дороги. Свет в морге погас, погружая охранника в промозглую темноту. В оглушительной тишине был слышен лишь слабый стук его сердца. В голове вертелась лишь одна мысль: «Мне никто не поверит».

Утром Клара приехала в цветочный салон и, увидев подругу, приветственно улыбнулась. Лиля выглядела взволнованной и светилась от счастья. Вынув из сумки снимок УЗИ, она показала им и радостно воскликнула:

– Я беременна!

– Поздравляю! – Клара обняла подругу. – Я рада за тебя. Какой срок?

– Семь недель.

– Мужу сказала?

– Нет еще, ты первая. Он в командировке. Сегодня после обеда приедет. Хочу приготовить потрясающий ужин, зажгу свечи, надену красивое платье и скажу новость.

Подруги перешли к рабочим темам. Клара открыла в ноутбуке журнал заказов и стала просматривать заявки.

Прозвенел колокольчик на двери, она подняла глаза и удивленно уставилась на Уварова. Следователь зашел в салон и оценивающе огляделся.

– По вашему виду, Клара Владимировна, можно предположить, что вы не рады моему приходу.

Клара искоса посмотрела на свою сумку, убедилась, что дневник Тамары надежно скрыт и ответила:

– Называйте меня по имени, и вы не правы, я просто не думала, что мы с вами еще когда-нибудь встретимся.

– Я пришел купить цветы для мамы. У нее сегодня день рождения. На пляже вы обмолвились, что у вас цветочный магазин на этой улице.

Пройдя вдоль холодильной витрины, Уваров ткнул в букет из бутонов роз нежно-розового оттенка.

– Я возьму этот. Сколько с меня?

К разговору подключилась Лиля: озвучив цену, она завернула цветы в подарочную упаковку. Уваров отсчитал и протянул ей деньги. Забрал цветы и обратился к Кларе:

– Мы можем переговорить наедине?

Магазинчик был маленьким, уединиться негде. Клара предложила поговорить на улице. Следователь положил цветы на заднее сиденье и подождал, пока Клара подойдет к машине.

– Есть новости по делу утопленника, – сделав паузу, он тихо и таинственно добавил: – Из морга пропал труп. Патологоанатом утром планировал делать вскрытие и не нашел тела.

Охранника, что дежурил этой ночью, нашли без сознания в коридоре на полу. Он ничего не помнит. Проводится следствие.

– Как может пропасть тело?

– Морг переполнен, иногда случается путаница. Не думаю, что его специально выкрали.

– Какой ужас. А Тихонова нашли?

– Нет. Мы обыскали квартиру, которую он снимал, обнаружили в его вещах письма, адресованные некой Тамаре Золотаревой. Видимо, у них были любовные отношения. Мне непонятно: если он адресовал их Золотаревой, как они оказались у него? На конвертах есть штемпель об отправке и получении писем. Первое письмо написано сразу после эмиграции, в нем он сообщает, что прибыл в штат Аризона и отлично устроился, что будет искать возможности для ее переезда в Америку, и это странно.

– Почему?

– При его деньгах иметь такую невзрачную любовницу – как-то не с руки: он мог позволить себе молодую красивую женщину, а судя по фото, которое он ей прислал, она не очень —то привлекательна.

– Он что, прислал ей ее же фото? – удивилась Клара.

– Да. Это была как бы шутка. В каждом письме он высылал ей одну и ту же фотографию с разным фоном: океан, каньон, небоскребы. Фотографии он подписывал: «Тамара в Нью-Йорке. 2008 год», «Тамара на Гаити. 2009 год».

– А у вас есть эти фото при себе?

– Одно у меня с собой, – Уваров вынул из пиджака фотографию.

Клара взяла снимок и стала разглядывать автора заинтересовавшего ее дневника. Это была хрупкая девушка невысокого роста, с длинными, черными, как смоль, волосами. Черты лица правильные, но Уваров прав, ее нельзя назвать привлекательной. Она улыбалась, но глаза оставались грустными. На обороте фотографии было написано: "Усть-Каменогорск. 1974 год".

Вернув фотографию следователю, Клара спросила:

– А вы не могли бы дать мне почитать его письма?

– Нет, к сожалению, это запрещено, – Уваров убрал фото в карман пиджака.

– Жаль, интересно было бы узнать историю их отношений.

Следователь замотал головой, но заметив ее разочарование, обнадежил:

– Может, после того, как закроют дело.

После работы Клара приехала домой с двумя сумками продуктов. По примеру подруги она решила приготовить особенный ужин и еще раз попытаться отговорить мужа от переезда. Но, как только зашла на кухню, обнаружила записку Аркадия: *«Мы с Полей пошли в торговый центр купить все для школы»*.

Клара обиженно поджала губы, скомкала записку и бросила в мусорное ведро. Будто в отместку, достала из сумки бордовую тетрадь и расположилась на диване в гостиной. Открыла лист, на котором остановилась и, вспомнив лицо Тамары, углубилась в чтение.

«Очнулась я в юрте. Рядом сидел красивый светловолосый русский парнишка с голубыми глазами. По родинке в виде полумесяца на запястье я поняла, что это мой спаситель. Выяснилось, что он приехал к нашим соседям с матерью, которая была врачом в местной поликлинике. Пока его мать была занята пациентом, вышел прогуляться и услышал мои крики о помощи.

Первое, что он у меня спросил, было: «Ты чем-то больна?» Я помотала головой. Он посмотрел на меня и сказал: «Ты очень худая». Я поспешила его заверить, что ничем не больна, но есть хочу так сильно, что съела бы сейчас целого барана. Он закатился от смеха и напомнил мне кудрявого белокурого ангела с рождественской открытки, оставшейся от мамы.

Почему я влюбилась в него, понятно: он был красивый, веселый, сильный, смелый и немного авантюрный. Чем приглянулась ему я, для меня оставалось загадкой, пока я не узнала, что нас объединяет один и тот же случай в детстве – только перенесли мы его по-разному.

Его звали Петр Тихонов, но с самого детства к нему приклеилась кличка Тихоня, хотя тихим он никогда не был.

У нас было свое тайное место для встреч. В двух километрах от нашего городка протекала речка, в ее устье стоял заброшенный рыбацкий сарай. В этом сарае мы часами ждали друг друга. Поначалу между нами были дружеские отношения, но годы шли, мы выросли, и отношения становились более близкими.

Однажды меня избила мачеха, я прибежала в сарай вся в слезах. Тихоня долго успокаивал меня, потом разорвал рукава своей рубашки, намочил их в реке и стал промокать мои ссадины. Его движения были такими нежными, что я закрыла глаза и разомлела. Он опустил меня на деревянный пол и стал целовать.

Тогда наша любовь была не плотской, ничего лишнего мы себе не позволяли, лишь целовались, но чаще лежали, обнявшись. Помню, что в один из таких дней он сказал, что увлекся книгой об учителе по имени Конфуций, и часто повторял его фразу: «Молчание – великий друг, который никогда не изменит». Мы молчали и смотрели друг на друга, словно ученики, постигшие слова учителя.

Нас выследил сводный брат и рассказал мачехе о встречах с Тихоней. Когда отец пришел с работы, она сказала ему, что брат застал меня за неприличным поведением в рыбацком сарае. Я кричала отцу, что это неправда, но брат поклялся памятью покойного отца, и ему поверили. После этого отец со мной не разговаривал. Сводные брат и сестра, проходя мимо, плевали мне в лицо. Удовольствию мачехи не было предела, она не скрывала своего злорадства.

Через два дня Тихоня подобрался к загону и стал подавать мне знаки. Я не успела его предупредить: отец, брат и еще несколько пастухов поймали его и сильно избили. Он кричал, что любит меня и хочет на мне жениться, но они не слушали. Еле живого, его привезли к дому матери и бросили на пороге. В этот же день, чтобы избежать семейного позора, отец дал поручение мачехе найти мне жениха и сжечь рыбацкий сарай. Меня поспешно сосватали пастуху с отдаленных пастбищ.

В день свадьбы жених подъехал к нашему дому в свадебном наряде, на черном коне. Его борик – национальный мужской головной убор – украшали огромных размеров перья филина. Мне он показался таким смешным, что я не удержалась и закатилась от смеха, за что тут же получила подзатыльник от мачехи. С женихом приехали друзья. Меня привлек парень, державшийся позади всех. Когда я к нему пригляделась, то поняла, что это Тихоня. Он так замаскировался, что его не узнали ни отец, ни сводный брат. По знакам, которые он мне незаметно подавал, я поняла: Тихоня приехал не прощаться – у него был план моего побега».

Дверь открылась и в квартиру со смехом зашли Аркадий и Полина. Клара отложила тетрадь и вышла им навстречу.

– Где вы пропадали?

– Мы покупали подарки! – Полина бросилась к матери с большими пакетами. – Mamочка, папа купил мне настольные игры, школьные принадлежности и красивое голубое платье с кружевами!

– Тогда надень платье! Я хочу посмотреть, как оно на тебе сидит.

Полина схватила пакеты и вприпрыжку побежала в свою комнату. Когда дверь за ней закрылась, Клара подняла глаза на мужа и, еле сдерживаясь, спросила:

– Что это за фокусы?

– Никаких фокусов. Я решил, что сейчас самое подходящее время для покупок. Мы с Полей прекрасно провели время. – Аркадий пошел на кухню к холодильнику, достал банку пива и сделал пару глотков. – Не уделяю ребенку время – плохо, уделяю – опять плохо.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я! Таким способом ты решил переманить дочь на свою сторону?

– Нет никаких сторон. Мы должны переехать, нравится нам это или нет.

– Я не хочу переезжать. Мы с Полей останемся в Сочи.

– А мне что прикажешь делать?

– Езжай в Элисту. Вступай в новую должность.

– Я тебя правильно понимаю, ты хочешь развода?

Полина выбежала в новом платье, чтобы покрасоваться перед мамой, но увидев лица родителей, воскликнула:

– Вы опять ругаетесь?!

– Детка, иди к себе, – попросил дочь Аркадий.

Полина обиженно надула губки и убежала в свою комнату.

– Ты сейчас принимаешь неверное решение, Клара. Разрушаешь семью!

– Я разрушаю?! – закричала от возмущения Клара. – Я открыла магазин с твоего согласия, а ты принял предложение о работе, не посоветовавшись со мной! Ты просто пришел и сказал: «Мы переезжаем»!

– У меня не было выбора! – в тон ей закричал Аркадий. – Этой возможности я ждал два года. Если я выведу филиал компании на новый уровень, мою кандидатуру предложат в совет директоров, и я получу пять процентов акций. Ты имеешь представление, о каких суммах мы говорим?

Немного смягчившись, Клара села на диван и задумалась. К стремительной карьере Аркадия она давно привыкла и воспринимала ее как нечто само собой разумеющееся. Сейчас муж занимал должность начальника отдела крупного предприятия, торгующего оборудованием газотранспортных систем, головной офис которого находился в столице.

– Я предлагаю поступить следующим образом: мы останемся здесь, а ты вступай в новую должность. Потом езжай в Москву. Если у тебя все получится, через три месяца я закрою салон, и мы переедем в Элисту. Если нет, то ты вернешься.

– Я знаю, что у меня все получится, – твердо выдал Аркадий. – Меня возмущает тот факт, что моя жена не верит в мои способности. Вопрос решен. Завтра утром начнем собирать вещи и поедем в Элисту всей семьей. Я закажу машину на пятницу.

Клара расположилась на диване в гостиной и укрылась пледом. Спать не хотелось, она решила отвлечься от неприятного разговора чтением дневника Тамары.

«Одна из подруг мачехи надела на мою голову саукеле – свадебный головной убор невесты в виде конуса. Я посмотрела на отражение в зеркале и не узнала себя. Такой красивой и чистой я не была со дня смерти мамы.

С восходом солнца меня посадили со сватами в повозку и запретили оглядываться. Но я то и дело вертела головой, чтобы найти возлюбленного. Когда свадебная процессия двинулась вперед, я совсем потеряла терпение. На глаза навернулись слезы. Сваха обняла меня и сказала: «Плачь, девочка, плачь по своей прошлой, невинной и беззаботной жизни». Знала бы она, какая жизнь у меня была!

К обеду все, кто ехал со мной в повозке, разомлели под палящим солнцем и уснули. Когда мы въехали в ущелье, со всех сторон на нас бросились какие-то люди. Потом я узнала, что это была шайка беглых уголовников, промышленяющихся в этих краях грабежами. От их грозного вида жених и его друзья развернули лошадей и пустились галопом.

Грабители вывели всех женщин из повозки, забрали все ценное, посадили меня на лошадь и привязали к седлу. Сначала я кричала и сопротивлялась, но мы стали подниматься высоко в горы, и я затихла.

Уже стемнело, когда меня привезли на пастбище. Похитители развязали мне руки. На вершине я увидела три юрты и поняла, что мне нужно идти туда. Навстречу мне выскочил Тихоня! Я бросилась к нему, и мы долго не размыкали объятий. Как же я была счастлива в тот момент!

Первую ночь любви мы провели под крики пьяных грабителей и блеяние отары овец. Но несмотря на весь этот колоритный антураж, таких сильных чувств, как в ту ночь, я больше никогда не испытывала.

Удивительно, но именно в этом месте, в горах, я получила знак от моей мамы – благословение нашего союза. Тихоня нашел старый проигрыватель и смахнул с первой попавшейся пластинки пыль. Первой же песней, которую мы услышали, была любимая песня моей мамы:

На крылечке твоём каждый вечер вдвоем

Мы подолгу стоим, и расстаться не можем на миг,

«До свиданья», – скажу, возвращусь и хожу,

До рассвета хожу мимо милых окошек твоих.

Мелодия разносилась по всей округе и эхом отражалась в горах, а из моих глаз катились слезы. Слезы радости и свободы. Это ночь навсегда объединила наши сердца и души. В тот момент я осознала, что больше не будет старой жизни, злой мачехи и вечно преследующего меня сводного брата. Тогда я еще не знала, какую цену буду платить за каждую ночь, проведенную с любимым».

Глава вторая. Первые испытания

В почтовом отделении Клара с сожалением подумала, что современная почта стала бездушной, больше похожей на банковский автомат. Не хватает знакомого с детства запаха горячего сургуча, упаковочных столиков с бобинами шпагата и фанерных посылок. Теперь ее окружали банкоматы, стойки с рекламой и люди, не поднимающие глаз от телефонов и айпадов. Чтобы скоротать время, Клара тоже решила почитать и открыла дневник Тамары.

«Вместе мы провели два дня и две ночи. Наши тела и души слились воедино. Я чувствовала жар его тела, видела, как горели желанием и любовью его бездонные глаза. В отблесках огня они переливались всеми цветами радуги. Я была на седьмом небе от счастья, хотелось продлить это единение как можно дольше.

Через два дня я узнала об уговоре, который заключил Тихоня со своими новыми друзьями. Оказывается, он должен был навести их на крупную добычу. Это была расплата за мое освобождение. Под покровом ночи они умчались в ближайший город, а мне приказали к их возвращению приготовить еду.

За скотом и пастбищем присматривал Жанабай – неразговорчивый здоровенный пастух лет сорока. На его шее виднелся безобразный иррам, по его словам, оставшийся на память после схватки с волком. Он зашел в юрту и положил передо мной мясо, велел приготовить беибармак. К моему удивлению, он не ушел, а стал наблюдать за мной. Я сразу почувствовала от него угрозу. Пока разводила огонь и нагревала казан, его маленькие сальные глазки цепко впивались в разрез на моей груди. Я запахла чапан, но все равно чувствовала себя перед ним раздетой. Как только я накрыла крышкой казан, он повалил меня и начал срывать одежду. Я кричала, отбивалась, но вокруг не было не единой души.

В юрте я пролежала много часов, избитая, поруганная, сломленная. Любое движение приводило к невыносимой боли. Я чувствовала грязь на своем теле, которую невозможно смыть водой и отскоблить мочалкой. Начало светать, когда я услышала лошадиный топот. Сердце забилось так быстро, что казалось – еще мгновение, и оно, как птица, вырвется из груди.

Тихоня спрыгнул с лошади и зашел в юрту. Мне был слышен каждый его шорох. Я запылала от стыда и свернулась калачиком, прикрывая ладонью синяк на лице. Зашелестел бумажный сверток. Он подошел ко мне и лег рядом, хотел обнять за талию, но я со стоном дернулась и заплакала. Тихоня спросил, что случилось, но мой плач перешел в рыдания. Он повернул меня и увидел кровоподтек под глазом. Вскочил на ноги и спросил, кто это сделал. Мне стало страшно: впервые я поняла, насколько мы беззащитны и уязвимы в этой ситуации. Мы оказались среди людей, у которых нет ни чести, ни принципов, ни совести.

В горячке Тихоня выскочил из юрты и побежал искать Жанабая, но того и след простыл. Он сбежал сразу после содеянного, прихватив с собой всю награбленную добычу. С этой поры Жанабай преследовал нас многие годы: меня во снах, а Тихоню – в желании отомстить.

Через несколько часов Тихоня успокоился, вернулся в юрту, аккуратно распахнул мой чапан и осмотрел тело. В полном молчании нагрел воду, снял с меня разорванную одежду, промокнул полотенце и стал осторожно прикладывать его к синякам и ссадинам. Его соленые слезы периодически капали на мое тело, а лицо то и дело искажалось в злобной гримасе. После этого он надел на меня новое платье и заставил подняться. Платье было красивым, а его прикосновения – нежными и родными, на мгновение я забыла о разыгравшейся драме и улыбнулась. Тихоня посмотрел на меня и твердо сказал: «Больше никто не посмеет тебя обидеть».

– Ваша очередь.

Клара поспешила к окошку оператора, пряча на ходу дневник в сумку.

Со стороны моря на город стремительно надвигалась огромная, отливающая медью туча. Клара вышла из почтового отделения и с опаской посматривала на небо: вот-вот должен начаться дождь, а она не взяла с собой зонт. Обычно, прежде чем выйти из дома, она предусмотрительно интересовалась погодой, но сегодня напряженная домашняя обстановка выбила ее из колеи.

Кто-то ее окликнул, Клара обернулась и увидела Уварова, деловито идущего по аллее. На ходу он пригладил волосы и дружески воскликнул:

– Физкульт-привет!

Клара поздоровалась и тут же поинтересовалась:

– Есть новости о Тихонове и утопленнике?

Он помрачнел и покачал головой:

– Трупов не нашли. Дело теперь ведет мой напарник, а меня перебросили на убийство. Честно говоря, я этому очень рад, – он бросил мимолетный взгляд на здание почты и спросил: – Вы были на почте?

– Да. Переоформляла подписку на новый адрес.

– Переезжаете поближе к магазину?

– Нет, мы уезжаем в Элисту.

– Куда?! – Юрий непроизвольно дернулся, улыбка мгновенно сошла с лица, он нервно переступил с ноги на ногу.

– В Элисту, – повторила Клара, не ожидая такой реакции.

– Что вы там забыли? – почти угрожающе спросил он.

– Мужа переводят на другую работу.

– Вы же недавно открыли цветочный павильон! Вы не можете уехать!

С каждой фразой лицо Уварова мрачнело и серело. Казалось, что новость об ее отъезде потрясла его до глубины души. Реакция была такой красноречивой, что он почувствовал себя неловко, а Клара, сама не зная почему, начала оправдываться.

– Мне придется. Нашу квартиру займет другая семья. – Клара решила перевести тему: – Почему вы сказали, что рады тому, что вас перебросили на другое дело?

Почесав затылок, Уваров признался:

– Чертовщина какая-то творилась вокруг этого Тихонова.

– Расскажите, мне очень интересно.

Уваров тут же сообразил, что может воспользоваться ситуацией, и предложил:

– Не хотите пообедать? Заодно я расскажу о своих подозрениях.

Любопытство взяло вверх, Клара согласилась, и они прошли два квартала вверх.

Зал ресторана был совершенно пуст. Пышная блондинка лет сорока с ярко накрашенными губами посадила их за столик в углу и предложила меню. Приняв заказ, она поспешно удалилась.

– Я снял отпечатки в квартире Тихонова и пробил по базе. Выяснилось, что почти десять лет назад Тихонов был замешан в крупном ограблении. Были украдены сразу три картины, которые позже всплыли в частных американских коллекциях.

– Тихонов был вором? – Клара не могла в это поверить. В памяти всплыл его образ: элегантный, статный и солидный.

– Первоклассным вором. Держался в тени, производил обманчивое впечатление, располагал к себе жертву и незаметно крал, поэтому в воровской среде у него была кличка Тихоня. О нем в свое время ходили легенды. У него была одна ходка и то по малолетке. Начинал как майданщик – воровал чемоданы и сумки на вокзалах, но после отсидки переквалифицировался и стал клюквенником – специализировался на кражах икон и драгоценностей. Кражи проворачивал один. Следов не оставлял, короче, работал чисто.

– А что еще было странного?

– Нестыковка в документах. По паспортным данным, Тихонов родился в 1957 году. До встречи с вами на пляже был живым и здоровым. А вчера из Казахстана ответили, что Тихонов Петр Иванович умер в 1969 году в возрасте двенадцати лет. Но мы-то знаем, что он в России в криминальных кругах сделал себе имя на грабежах.

Клара предположила, что ответы наверняка есть в дневнике, но пока она до них не добралась. Если Тихонов представился Венере как Тихоня, значит, воровать он начал с детства. Вспомнив об описании Тамары своего возлюбленного, Клара спросила:

– А вы можете уточнить у коллег из Казахстана, была ли на руке Тихонова родинка в виде полумесяца?

Уваров замер, изучая лицо собеседницы. Личные чувства отступили, и наружу вырвался дотошный следователь:

– А с чего вы взяли, что у него была родинка?

Клара прикусила губу, понимая, что проговорилась, и начала судорожно придумывать ответ.

– Я ее видела.

– Когда?

Голос Уварова стал жестким и напористым. Между бровей залегла глубокая складка. Он сверлил свидетельницу пристальным взглядом, отчего она начала ерзать и прятать глаза.

– Когда он укладывал вещи на пляже.

– Как это вы смогли разглядеть родинку с такого расстояния? Вы были от него за двадцать, а то и тридцать метров.

– Возможно, я ошиблась, – растеряно произнесла Клара и, поднявшись со стула, поспешно проговорила: – Извините, я только что вспомнила, мне срочно надо домой.

Не дав следователю опомниться, она схватила сумку, выскочила из ресторана и помчалась в сторону салона.

– Ох, уж эти женщины, – послышался тяжелый вздох за соседним столиком.

Уваров обернулся и увидел мужчину, сидевшего к нему спиной. Он был в черном длинном пальто, на лоб надвинута фетровая шляпа с широкими полями, прикрывавшая лицо. На руках кожаные перчатки. Следователь подметил, что не видел, чтобы мужчина заходил в ресторан, и предположил, что он вышел из кухни, либо из служебного помещения.

– Н-да, – протянул Уваров, как бы соглашаясь.

– Хочешь им признаться в своих чувствах, а они играют с тобой в ищейку, да еще так неумело, – продолжил мужчина, выпуская клубы сигаретного дыма.

Следователь бросил пытливый взгляд на соседний столик, пытаясь разглядеть лицо мужчины.

– Скрывает она от вас что-то.

– Возможно.

Уваров подозвал официантку, попросил завернуть заказ с собой и принести счет. Когда девушка удалилась, мужчина за соседним столиком снова заговорил:

– Загадочные существа эти женщины. Можно прожить с ними всю жизнь, но так и не познать.

Уваров хотел пересесть за соседний столик и наконец-то разглядеть назойливого собеседника, но никого не увидел. Он вскочил, огляделся по сторонам и стоял в недоумении, пока в зал не вышла официантка с упакованной едой.

– Вы видели здесь мужчину в пальто?

– Нет. Вы были сегодня первым посетителем, – ответила она и с опаской отступила от него на два шага.

– Здесь, за соседним столиком только что сидел мужчина в черном пальто и шляпе. Он курил сигарету.

– Не было здесь никого, а курить у нас запрещено, – возмутилась официантка, но принюхавшись, уловила запах сигаретного дыма и смутилась. Пересчитала протянутые деньги и надменно спросила: – Сдачу вам нести?

– Не надо, – сконфуженно выдавил из себя Уваров и, взяв пакет с едой, вышел из ресторана.

Дождевые облака заволокли небо. Ветер усилился. Молния прорезала облака, следом ударил гром такой силы, что Клара вздрогнула и с опаской посмотрела на небо. Ускорила шаг и после очередной сотрясающей все вокруг канонады перешла на бег. Темнота выиграла схватку у света, и все вокруг погрузилось в полумрак. Запыхавшись, она подбежала к магазину, восстановила дыхание и только потом распахнула дверь. Стряхнула с волос сухие листья, зашла в тесную подсобку и с облегчением опустила на табурет. В следующее мгновение на ее коленях уже лежал дневник.

«В ту же ночь мы сбежали с пастбища. К утру добрались до автобусной станции, денег хватило только на билеты. Хотелось есть, все тело ныло, а на душе скреблись кошки. Автобус довез нас до Усть-Каменогорска. По словам Тихони, его тетка жила рядом со швейной фабрикой и могла нас приютить на несколько дней, пока мы не решим, что делать дальше.

Уже стемнело, когда мы подошли к фабрике и отыскиали дом. Тихоня постучал, залаяла собака, и на шум вышла его тетка. Она не знала, как на нас реагировать, во взгляде читался страх. Это было, по меньшей мере, странно. Тихоня, как ни в чем не бывало, улыбнулся, обнял тетку и поздоровался, сказал, что в городе проездом и ему нужен ночлег. Она перевела взгляд на меня и еще больше ужаснулась, но это меня не удивило. Левый глаз заплыл, и, как бы я ни маскировалась, синяк все равно был виден.

Ночь мы провели в гостиной, а наутро она попросила меня помочь ей с завтраком. Поинтересовалась, что со мной случилось. Я сказала, что на меня напали грабители. Мой ответ ее не удивил, и она, многозначительно покачав головой, прошептала мне на ухо: «Беги от него, пока не поздно». Конечно, я ничего не сказала Тихоне – и без того на нас свалилось много проблем.

Тихоня ушел, сказав, что ему нужно немного подзаработать, и мы с его теткой остались одни. Ее звали Светлана. Это была симпатичная женщина с курносым носом и заводным характером. Домик, в котором она жила, был маленький, но уютный и состоял из трех комнат: кухня-прихожая, гостиная, в которой еле помещался диван с обеденным столом, и спальня. Светлана работала на швейной фабрике бригадиром. Давно развелась, детей у нее не было.

Тихоня вернулся поздно ночью, когда я уже засыпала. От него пахло спиртным и табаком. Он сказал, что ему нужно уехать на пару дней. От страха его потерять я настойчиво просила не уезжать, но тщетно. Он был упрямым, как осел. Всю ночь мы проговорили. Под утро я заснула, а когда проснулась, его уже не было. Тетка сказала, что он уехал на такси на железнодорожную станцию.

Через пару дней он вернулся, при нем была большая по тем временам сумма денег и чемодан с разными ценными вещами. На вопросы, откуда вещи и деньги, он многозначительно ответил: «Заработал». Его тетка стала мрачнее тучи. В отличие от меня она понимала, что происходит.

Не прошло и недели, как он снова засобирался в поездку, поэтому ночь была тревожная и бессонная. Я боролась с предчувствием беды, а он строил грандиозные планы, хотел скопить денег на собственный дом. Мечтал о большой семье и чтобы мы никогда не разлучались.

Говорил, как он меня любит, как много я для него значу, что ради меня готов горы свернуть. На следующий день он опять уехал.

В судьбоносный воскресный день произошли два знаковых события. Первое – благодаря Светлане я научилась шить. Взяв в руки ткань и иглу, я почувствовала, что хочу заниматься этим всю жизнь. Второе событие было не таким радужным. Когда солнце начало опускаться за горизонт, в ворота забарабанил участковый. После разговора с ним Светлана, бледная и растерянная, вошла в гостиную. «Петра арестовали за кражу на рынке», – сказала она и, плача, опустилась на диван. Помню свою реакцию: я не поверила ее словам, сказала, что это какая-то ошибка. Светлана приказала мне остаться дома, чтобы не привлекать внимание к своей персоне, а сама пошла в милицию. В отчаянии я два часа металась от одного окна к другому.

Светлана вернулась за полночь и сказала, что Тихоня украл сумочку жены партийного чиновника. Ситуация была безнадежной, ему грозил тюремный срок. Она вынесла из спальни чемодан с вещами, который принес Тихоня, и мы поспешили отнести его на помойку».

– Так вот чем ты занята! – грозный голос Аркадия эхом отразился от стен подсобного помещения.

От неожиданности Клара вздрогнула и вскочила с табуретки. Дневник скатился с колен на пол.

– Тебя не было дома полдня, я думал, ты занята чем-то важным, а ты сидишь в подсобке и читаешь записки какой-то незнакомой бабы! – лицо мужа покраснелось от гнева.

За его спиной Клара увидела испуганную дочь и вспомнила, что она должна была сегодня забрать ее из школы.

– Прости, я совсем забыла про Полю, – попыталась успокоить она мужа.

– Забыла?! – заорал Аркадий. – Ребенок прождал тебя в вестибюле целый час! Ты не брала трубку! Мне пришлось срывать с совещания и бежать в школу! Мы думали, с тобой что-то случилось. Обзвонили все больницы. В последнее время от тебя можно ожидать чего угодно.

– Не надо сгущать краски. Не кричи. Ты напугаешь ребенка.

– Она и так напугана! Она битый час бегает по городу с отцом и ищет свою мать! – выпалил Аркадий с деланным драматизмом.

– Вы могли сразу приехать сюда, зачем бегать по городу?

– Мы приезжали! Здесь было закрыто!

– Мы посмотрели через окно, тебя не было видно, и мы уехали, – пояснила Полина дрожащим от волнения голосом.

Послышалось нервное покашливание Лили, она выглянула из-за спины Аркадия и с виноватым видом оправдалась:

– Я выходила на обед, о чем тебя предупредила, но ты была так занята чтением, что не ответила.

Клара обомлела. Она не слышала звонки мобильного и как подруга заглядывала в подсобку. Читая дневник, она словно погружалась в вакуум, ограждающий ее от остального мира.

– Хорошо, признаюсь, что немного переборщила. Прошу прощения.

Аркадий метнул на нее гневный взгляд.

– Домой! – он взял дочь за руку и, чеканя шаг, направился к машине.

Вечером Клара помогала мужу собирать вещи и раскладывать их по коробкам. Настроение Аркадия осталось прежним, он ходил по квартире угрюмый и отстраненный, а Клара не предпринимала попыток объясниться. Сбор вещей вызвал у нее приступ депрессии. Душа разрывалась на части. Еще эта история Тамары и Тихони не давала ей покоя.

Послышался настойчивый звонок в дверь. Полина уже спала, Клара испугалась, что незваный гость разбудит дочь. Дверь открыл Аркадий. Клара вышла за ним следом в коридор и увидела Уварова. Рядом с ним стоял напарник.

– Добрый вечер, у нас есть к вам несколько вопросов, вы не возражаете, если мы войдем? – спросил официальным тоном следователь.

– Все, что знала, – я рассказала. Мне нечего добавить, – Клару разозлил поздний визит.

Аркадий отступил в холл, пропустил Уварова и его коллегу в квартиру и юркнул на кухню.

– Клара Владимировна, это следователь Коваленко, ему передали дело Тихонова, – деловито представил коллегу Уваров.

– А до завтра это не может подождать? У нас дочь только что уснула.

Коваленко был полной противоположностью напарника: заляпанный кетчупом костюм, сальные волосы и дурные манеры; его голос звучал с вызовом и надменностью, а реакция свидетельницы вызывала подозрение, которое он даже не пытался скрыть.

Аркадий выглянул из кухни, пригласил следователей войти и протянул по бутылке пива:

– Служителям закона тоже нужно время от времени расслабляться.

Гости не стали возражать и расположились за столом.

– Так чем обязаны? – спросил у следователей Аркадий.

Коваленко прочистил горло и объяснил:

– Мы получили новую информацию, поэтому решили повторно допросить вашу супругу.

– Какую информацию? – насторожился Аркадий и поставил недопитую бутылку пива на стол.

Уваров открыл ноутбук и показал запись с камеры наблюдения. Клара увидела, как Тихонов подошел к таможенному посту аэропорта и предъявил паспорт. Затем прильнул к окошку, вслушиваясь в вопрос таможенного офицера, и что-то ответил. Далее ему вручили проштампованный паспорт, он поднял сумку с пола и направился к выходу в город.

– Это Тихонов! Посмотрите, как он делает левой рукой, – показала Клара на характерный жест Тихонова и повторила движения. – Так же он делал на пляже, когда входил в воду.

Коваленко разложил перед ней стопку фотографий.

– Вот эти фотографии мы сделали на пляже, а вот эти – в морге при оформлении покойного.

На фото был запечатлен лысый мужчина лет сорока с одутловатым лицом.

– При первичном осмотре патологоанатом установил, что тело пролежало в воде минимум шесть часов, что сразу не вязалось с показаниями вашей жены, – язвительно произнес Коваленко, глядя на Аркадия. – В связи с чем у нас возникает вопрос: с какой целью гражданка Афанасьева дает показания о самоубийстве бывшего зэка?

Клара испуганно посмотрела на мужа.

– Но ведь она не одна его видела. На пляже были еще двое свидетелей, – напомнил Аркадий.

– Алкаши, которые не могут толком вспомнить, что было до того, как они попали в воду. Но точно помнят, кого вытащили, – Коваленко ткнул пальцем в фото утопленника.

Уваров не сводил взгляда с Клары. В этом взгляде одновременно читались подозрение, и любопытство, симпатия, и желание защитить.

– Кроме того, что я уже говорила, мне нечего больше добавить.

Коваленко хотел возразить, но Уваров сжал его плечо и сказал:

– Давайте продолжим наш разговор в Следственном управлении. Послезавтра вас устроит?

– Послезавтра мы уезжаем, – уведомил Аркадий.

– Жаль вас разочаровывать, но это невозможно. Ваша жена является важным свидетелем в расследовании и не может уехать из города.

У Клары затеплилась надежда, что у нее будет повод остаться, но Аркадий тут же опустил ее с небес на землю:

– Она не подозреваемая, а как свидетель, показания уже дала. У вас есть наши контакты, при случае вы сможете задать ей любые вопросы. Если же вы намерены чинить нам препятствия, то будете иметь дело с моим адвокатом, – он жестом указал на дверь и надменно добавил: – Спокойной ночи.

Проводив следователей, Аркадий вернулся на кухню и одарил жену испепеляющим взглядом. Клара стояла к нему спиной и в поиске дневника открывала поочередно дверцы шкафов кухонного гарнитура.

– Куда ты спрятал дневник? – спросила она, услышав его шаги.

– Это единственное что тебя сейчас интересует? – язвительно спросил муж и скрестил руки на груди.

– Нет, но тетрадь тоже важна.

Аркадий подошел к холодильнику, на котором стояла большая коробка с посудой, и вынул из нее бордовую тетрадь. С размаху бросил ее на стол и вопросительно посмотрел на жену.

– Думаю, глупо спрашивать, что ты сейчас собираешься делать.

Она виновато опустила голову.

– Так и знал, – процедил он сквозь зубы и громко хлопнул дверью.

День выдался тяжелым, Клара устала физически и эмоционально, лечь спать было бы самым разумным, но исповедь Тамары затягивала ее с невероятной силой. Она придвинула дневник и открыла страницу, на которой ее прервали в подсобке магазина.

«Рано утром милиция пришла с обыском. Их заинтересовала моя персона. Светлана сказала, что я дочь ее подруги, которая лежит сейчас в больнице, и поведала слезную историю о том, как меня и мою маму сбила машина. Когда ушли служители закона, она спросила, что я буду делать, если его посадят. Ни минуты не раздумывая, я ответила: «Буду ждать».

С этого дня за нашим домом следил какой-то худощавый паренек в кепке. Он появлялся около ворот и частенько заглядывал в окна, нагоняя на нас страх.

На суд приехала Екатерина, мать Тихони, загадочная и молчаливая женщина. Она была полной противоположностью своей сестры, носила черные длинные платья и была очень набожна. Крестила пищу и читала молитвы. Светлана относилась к ней с большим терпением и почитанием.

Как-то ночью я невольно подслушала их беседу. Светлана призналась сестре, что после случая, который произошел с племянником в двенадцать лет, ей страшно смотреть ему в глаза и жутко находиться в одном помещении, и что только из-за меня она приютила его в первую ночь.

Мать Тихони благодарила ее за все, что та сделала для ее сына. Она сказала, что будет высылать деньги для Тихони, и просила присмотреть за мной потому, что сын слезно умолял ее об этом в последнюю встречу. Дальше они перешли на шепот, и я, как ни старалась, не смогла расслышать всего разговора, лишь его конец. Екатерина сказала, что она прозрела и поняла, как была неправа; теперь ей осталось только одно: вымаливать у Бога прощение.

Выбора у меня не было: после суда я осталась жить у Светланы. Чтобы хоть как-то отблагодарить ее за кров и еду, помогала по хозяйству.

В тюрьму на свидание к Тихоне пускали только родственников, поэтому единственным способом общения были письма. Какими же чувственными и нежными они у нас были! Он просил меня дожидаться. Как будто я могла поступить по-другому!»

Рано утром Лиля прислала сообщение, что не сможет открыть магазин, поэтому Клара попросила мужа отвезти Полину в школу, что вызвало у него очередную бурю недовольства. Атмосфера между супругами так накалилась, что казалось, одна искра – и вспыхнет пожар, в котором сторит последняя надежда на примирение.

Перед салоном Клара с удивлением обнаружила припаркованный «мерседес» Уварова. Тот сидел за рулем и пролистывал рекламу автомобилей. Увидев Клару, он выскочил из машины и побежал ей навстречу.

– Мое почтение! Хорошо выглядите! Как у вас дела? – неестественно бодро спросил следователь.

Клара не разделяла его энтузиазма, сейчас ей хотелось только одного – открыть магазин и продолжить чтение дневника. Она одарила его тяжелым взглядом и проигнорировала приветствие. Справившись с заедающим замком, распахнула дверь салона, набрала код сигнализации и перевернула дверную табличку с надписью «открыто».

– Что, появились новые улики, и вам снова нужно меня допросить?

Уваров зашел за ней следом и, облокотившись о прилавок, посмотрел по сторонам, как будто боялся случайных свидетелей.

– Про это родимое пятно вы говорили? – он протянул ей фото.

На фотографии был изображен Тихонов в возрасте примерно сорока лет. В кадр попала его правая рука, в которой он держал сигарету. На руке отчетливо виднелось родимое пятно в виде полумесяца, которое с четырех сторон окружали точки, похожие на звезды. Клара ожилилась:

– Да, это оно.

– Возможно, это татуировка. Полумесяц растущей луны, окруженный четырьмя звездами. Я где-то ее видел. – Уваров постучал указательным пальцем по фотографии и воскликнул: – Вспомнил! В квартире, которую снимал Тихонов. Рисунок лежал в книге. Я его там и оставил. Черт! Сегодня в квартиру должны въехать новые жильцы!

Следователь бросился к выходу, чуть не сбив с ног входящую в салон Лилю.

– Ой, извините, – неловко пролепетал Уваров и побежал к машине.

Лиля сухо поздоровалась и положила сумку в подсобку. По глазам подруги Клара поняла, что она плакала. Лиля прошла к неразобраным упаковкам с цветами и начала собирать композиции. Движения были резкими, цветы в руках ломались, поэтому Клара решила вмешаться:

– Лиля, остановись. В таком настроении нельзя работать с цветами. Что случилось? Сядь, поговори со мной.

Лиля тяжело вздохнула, оперлась руками о стол и на одном дыхании выпалила:

– От меня ушел муж!

– Как это?

– С порога заявил, что любит другую, и попросил развода. Я поняла, что она его ждет где-то рядом. Он не раздевался, только куртку сбросил, и стал быстро собирать вещи.

– А ты что?

– Сидела и тарашилась на него, как идиотка. Кирилл и раньше мне изменял, но к тому, что он уйдет, я была совершенно не готова.

– А как же ребенок?

– Он не знает про беременность.

– Почему ты не сказала?

– Зачем? Он уже сделал выбор. Ребенком мужика не удержишь, если только на время. Моя душа сейчас, как сожженный дотла дом. Ничего в ней нет, ни хорошего, ни плохого. Постоянно перед глазами стоит его лицо. Оно было таким чужим, как будто мы и не жили вместе. В глаза не смотрит, под воротником засос, пропах какими-то термоядерными духами, будто она его специально из флакона поливала. Где мне взять силы, чтобы все это выдержать?

Лиля закрыла лицо руками и заплакала. Клара дала ей время успокоиться и предложила:

– Могу пожить у тебя пару недель, пока ты не придешь в себя.

– А как же твой переезд?

– Думаю, что Аркадий поймет.

После ужина Клара помогла мужу запаковать оставшуюся мебель. Весь вечер Аркадий шутил, говорил о будущем и делился своими планами в новой должности. Клара натянуто улыбалась и кивала в знак одобрения.

Уложив дочь спать, она вошла в спальню и увидела Аркадия на кровати. Он просматривал почту в ноутбуке.

– Аркаш, мне нужно с тобой поговорить, – мягко начала она. – От Лили ушел муж.

– Иди ты! – он отложил ноутбук в сторону.

Немного сгустив краски, Клара рассказала мужу о трагедии подруги, о ее беременности, а в конце резюмировала:

– Не знаю, что делать, Лиля моя самая близкая подруга. У нее трагедия, а тут еще наш отъезд и мы оставляем на нее салон. Сегодня она еле отработала полдня.

– Да, ситуация сложная, – нехотя согласился Аркадий, немного подумал и спросил: – Можешь набрать ее номер?

Клара опешила: он никогда раньше не общался с ее подругами. Она нашла номер Лили и протянула ему телефон. Когда послышался слабый голос Лили, Аркадий перевел на громкую связь и вежливо ее поприветствовал. Справился о здоровье и сказал, что жена поведала ему о сложившейся ситуации. В трубке послышался громкий всхлип.

– У тебя есть кто-то, кто может тебя поддержать?

– Нет. После смерти родителей я одна на всем белом свете.

– Клара переживает за тебя, хочет остаться на несколько дней. Убедиться, что с тобой все будет в порядке.

– А ты не против? – настороженно уточнила Лиля, и Клара была готова расцеловать подругу за этот вопрос.

– Если тебе это поможет, то я согласен.

– Спасибо, я тронута, – с благодарностью отозвалась Лиля.

Аркадий поспешил попрощаться и протянул трубку жене.

– Что это было? – спросила Клара, показывая на телефон. – Ты решил убедиться, что я не вру?

– Да, и, пока ты не начала возмущаться, скажу, что можешь остаться у Лили, но не больше, чем на неделю. За это время найди человека, который будет работать вместо нее в павильоне, а ее подготовь на свою должность. Она способная, быстро научится.

Клара уставилась на мужа. Ей не верилось, что он отпустил ее без всяких оговорок.

– Я дал задание новому секретарю, а это, к слову сказать, мужчина, подобрать для цветочного магазина помещение в центре Элисты с хорошей проходимостью. Когда приедешь, надеюсь, у тебя будет выбор из нескольких вариантов.

В пятницу утром Клара проводила мужа и дочь в Элисту и решила пройтись до работы пешком. Перед внутренним взором стояли озорные глазки Полины, которая воспринимала переезд как очередное приключение. Аркадий умолял Клару быть осторожной и при любых проблемах сразу звонить. Прощание далось всем нелегко, и Клара в глубине души уже корила себя за то, что осталась в Сочи.

На перекрестке рядом с ней притормозила машина Уварова.

– Доброе утро, – сказала Клара, открывая пассажирскую дверь.

– Салют, – отозвался следователь, – подвезти?

– Нет, спасибо, пройдусь пешком. Только что отправила семью, на душе тяжело, хочу проветриться.

– Садитесь, подвезу, заодно расскажу, что выяснил про тот рисунок.

«Любопытство сгубило кошку», – подумала Клара и села в «мерседес».

Уваров вынул из спортивной сумки книгу и протянул ей. Книга называлась: «Тайные знаки древних цивилизаций». Она открыла загнутую страницу и увидела рисунок в виде полумесяца, который окружали четыре звезды, по одной с каждой стороны.

Рисунок был закладкой рассказа журналиста, которому про этот знак поведал тувинский шаман. Он утверждал, что в древности жила девушка по имени Тея, обладающая уникальной красотой. Свое сердце она отдала духу Луны, и они скрепили свой союз клятвой верности. Но однажды ее увидел дух Солнца и возжелал. Тея не просто отказала духу, а высмеяла его. В отместку он поместил ее в тело неприметной женщины с тяжелой судьбой. Сердце духа Луны наполнилось горем и печалью, после чего на Луне появились пятна. С тех пор дух Луны отправляет на землю посланника, который находит его возлюбленную в очередном обличье и берет под опеку.

Шаман поведал журналисту, что лично встречался с посланником духа Луны и помогал ему в его делах. Посланник находит свободное тело и воплощается в человека. Дух Луны помечает его специальным знаком – полумесяцем и дает ему четыре знамения, после чего он должен выпить эликсир, способный продлить его жизнь еще на какое-то время.

– Хорошая легенда, правда? – спросил Уваров, останавливаясь перед цветочным магазином, и добавил томным голосом: – Романтическая.

Клара считала, что в отметине на руке кроется какая-то загадка. Интуиция подсказывала: нужно хорошенько изучить этот знак и все, что с ним связано.

Она попрощалась и вышла из машины. Уваров придержал пассажирскую дверь и спросил:

– Где вы остановились?

– Я сегодня перевезу вещи к подруге.

– Помочь с переездом?

– Если вам нетрудно... – замялась Клара, – от помощи я бы не отказалась.

– Нетрудно! Во сколько за вами заехать?

– Я заканчиваю в семь.

Сильный порыв ветра поднял перед Klarой вихрь пыли, листок, что служил закладкой, вылетел из книги и упал на тротуар. Она попыталась его нагнать, но ветер усилился. Листок перелетел через дорогу и упал к ногам мужчины в пальто, сидевшего на скамейке в сквере. Он поднял его и расправил одним ловким движением.

Перебежав через дорогу, Клара подошла к незнакомцу и улыбнулась.

– Спасибо, что поймали моего беглеца.

Лицо мужчины было скрыто шляпой. Он отдал ей листок. По морщинистым рукам Клара поняла, что перед ней пожилой человек.

– Как жаль, что мы не можем пообщаться, дорогая. Даже эта коротенькая встреча может доставить хозяйке этого тела неприятности. Скоро все изменится. Кажется, я нашел тело. Но ты тоже должна мне помочь. Заставь ее сделать шаг навстречу. Неужели он ей совсем не нравится?

Звуки, словно преломленные водной глубиной, поплыли и слышались разрозненно, а потом перешли в звенящий шум. На мгновение все замерло. Клара испуганно озиралась по сторонам. Люди застыли в нелепых позах. Птичья стая зависла в воздухе. Небо заволокло темными тучами. Пространство будто сжалось, поглощая в себя все живое, а потом снова раскрылось.

Она огляделась по сторонам, старика в пальто в сквере уже не было.

– Клара! – услышала она истошный крик Лили.

Обернувшись, она увидела, что стоит посреди дороги, а на нее надвигается фура. Оглушительный сигнал клаксона и визг тормозов заставили Клару резко отпрыгнуть в сторону. Она упала, больно ударившись коленкой и локтем об асфальт.

– Ты что, с ума сошла?! – прокричала Лиля, подбегая к ней.

Клара испуганно таращилась на подругу. Все произошло так быстро, что она не успела осознать случившееся.

– Что с тобой? Ты пять минут стояла, как замороженная, посреди дороги! Я наблюдала за тобой через витрину.

Клара посмотрела на разбитую коленку и попыталась встать, но резкая боль снова заставила ее сесть.

К ним подбежал водитель фуры, словно рыба, открывал рот, но звуков не издавал. Только по разгневанному лицу Клара поняла, что он сильно испуган и зол. Она переводила взгляд с него на Лилю, пытаясь уловить смысл их перепалки. Наконец водитель махнул рукой и скрылся в кабине. Лиля подставила подруге плечо, и они медленно двинулись через дорогу к салону.

Постепенно давление на уши уменьшилось, слух не только восстановился, но и обострился. Кларе казалось, что клаксоны проезжающих мимо машин могут ее оглушить. Едва переступив порог цветочного салона, Клара освободилась от опоры в виде плеча подруги и встала у окна. В памяти всплыл случай двухгодичной давности, когда ее реально сбил грузовик на подъезде к Сочи.

Взгляд сместился на листок, прилипший к витрине. Клара пригляделась к рисунку то ли родимого пятна, то ли татуировки и от удивления распахнула глаза. Звезды, окружавшие полумесяц, вспыхнули и прожгли бумагу. Догорающий листок закружился и растворился в воздухе.

Когда рана на коленке была обработана, Лиля усадила подругу в подсобку.

– Ты перенервничала из-за переезда и утопленника, да еще я тут со своим разводом. Тебе надо отдохнуть.

– Я в порядке.

Впрочем, сама она так не считала. Ее беспокоила не физическая боль – больше всего она боялась потерять контроль над реальностью, словно кто-то или что-то тащил ее в неведомый мир, где не существовало общечеловеческих ценностей.

Зазвенел дверной колокольчик. Лиля прикрыла дверь подсобки и ушла обслуживать вошедшего покупателя. Как только Клара осталась одна, в голове ее сразу промелькнула мысль о дневнике. Читая записи Тамары, она так увлекалась, что забывала о своих переживаниях и невзгодах, будто невидимая рука хозяйки бордовой тетради ограждала ее от всего, что могло растревожить душу.

«Вскоре после суда Светлану понизили в должности и лишили партбилета. Денег нам не хватало, и она стала брать заказы на пошив одежды, а я помогала. Она научила меня правильно снимать мерки и делать выкройки.

По утрам меня так тошнило, что я не могла завтракать. Я осунулась, похудела и постоянно находилась в депрессивном настроении. Свое состояние я объясняла разлукой с Тихоней. Как-то раз Светлана подозвала меня и сказала: «Отведу тебя сегодня к гинекологу, у меня подозрение, что ты беременна». Я испугалась не на шутку. За свои пятнадцать лет я ни разу не была у врача, тем более у гинеколога.

Врач подтвердил ее подозрения. Светлана стала меня поздравлять, сказала, что это великое счастье – стать матерью, но я ее оптимизм не разделяла. В тот день она призналась, что именно из-за бесплодия ее бросил муж.

Когда мы пришли домой, я не смогла больше сдерживать слез. Светлана начала меня расспрашивать, но я просила оставить меня в покое. Всю ночь я не спала, в голове вертелся только один вопрос: кто отец ребенка? И чем больше я думала, тем меньше сомневалась. Была уверена, что это ребенок Жанабая. Он снова начал преследовать меня во снах.

Так прошла еще неделя. От одной мысли, что ношу под сердцем ребенка насильника, я начала медленно сходить с ума. Светлана, конечно, все это замечала и решила со мной поговорить. Она спросила, что меня гложет. Я рассказала ей о своей трагедии и объяснила нежелание вынашивать ребенка. Она настаивала на том, что все равно нужно рожать, даже если мне этот ребенок не нужен, его можно отдать на усыновление. Но я была непреклонна – аборт и точка.

В семидесятые годы аборты в пятнадцать лет официально не разрешали, ведь у меня не было паспорта, по закону я была еще ребенком. На процедуру должны были дать согласие близкие родственники – мать или отец. А если бы мы заявили об изнасиловании, завели бы уголовное дело. Ситуация казалась безвыходной, но однажды к Светлане зашла ее подруга, та самая гинеколог, которая меня обследовала. Она была в курсе моей ситуации с документами и предложила за деньги взять метрики девушки, которая умерла в больнице. Родственников у покойницы не было, она выросла в детдоме. По возрасту она была старше меня на два года. Звали ее Тамара.

Так я стала Тамарой Золотаревой, а Венеру Курмангалиеву похоронили на местном кладбище. День рождения у Тамары был двенадцатого марта, и с этого момента я стала праздновать именно эту дату».

В дверь подсобки осторожно постучали, затем она со скрипом приоткрылась, и в проеме показалась голова Лили. По лицу подруги Клара поняла, что она не одна, и тут же спрятала дневник.

– К тебе пришел следователь, – с опаской произнесла Лиля и открыла дверь шире.

Взглянув на Уварова, Клара заметила перемену в его настроении: губы плотно сомкнуты, смотрит с подозрением. Лиля рассказала ему, что Клара чуть не сбила машина. Он выразил беспокойство, но после снова помрачнел.

– Ровно в семь, как я и обещал.

Клара взяла сумку из подсобки и пошла за ним к машине.

– А специальные заказы вы принимаете?

Лиля вздрогнула и медленно повернулась. Перед витриной вполоборота стоял мужчина в черном пальто и шляпе. Тело Лили сковало ужасом – не потому, что она не заметила, как мужчина вошел, а потому, что в стеклянной витрине не было его отражения!

– О-о-о... к-к-к... – еле смогла пролепетать она.

– Вы хотите спросить, о каком заказе идет речь? – не поворачиваясь, спросил мужчина.

Лиля закивала, в горле пересохло. Мужчина показал на один из вазонов.

– Мне нужен *Cosmos Atrosanguineus*, попросту говоря, Космос шоколадный. Цветы должны быть тщательно отобраны и не иметь завядших лепестков. Это очень важно.

– Но у нас нет таких цветов, – заикаясь, с трудом вымолвила Лиля, – это о-о-очень редкие цветы.

– Как это нет?! – воскликнул мужчина и, отойдя в сторону от витрины, показал на крайний пластиковый вазон: – А это что?

Лиля посмотрела на вазон и увидела маленький букетик из необычных цветов. Стебельки их были тоненькие, словно пушинки. Цветы имели насыщенный бордово-коричневый цвет и заманчиво поблескивали на свету тычинками. До этого момента подобные цветы она видела только на фотографиях. Лиля ахнула и хотела подойти ближе к витрине, но в этот момент цветы оказались в руках мужчины. В ужасе она попятилась назад, ноги подкосились, сердце бешено заколотилось.

– Что за чертовщина? – еле пролепетала она.

– Чертовщина? Как люди любят бросаться громкими словами! – возмутился таинственный посетитель. – Извините, но мне придется принять меры и вывести вас из уравнения, а заодно создать некие благоприятные условия. За ребенка не беспокойтесь.

На секунду Лиля заглянула под шляпу и в ужасе вскрикнула. Под шляпой зияла злоеющая, бесконечная тьма! Лиля хотела побежать в подсобку, где в сумке лежал мобильник, но мужчина одним взмахом обездвижил ее, а затем отбросил к стене. Она по инерции плавно скатилась на пол. Глаза еще несколько секунд были открыты, она видела, как мужчина вышел из салона, унося с собой корзинку с редкими цветами. После ухода незнакомца по щеке Лили скатилась одинокая слеза, воспарила и замерла в воздухе, будто приход человека во всем черном нарушил закон гравитации.

Когда Клара села в машину, Уваров посмотрел на нее с укором:

– Я считал вас честным человеком. Теперь не знаю, что и думать.

– Вы о чем?

– О бордовой тетради, которая, по вашим словам, лежала в вещах Тихонова. Вы и теперь будете утверждать, что больше ее не видели?

Клара поняла, что Уваров получил какую-то информацию, и скрывать дневник больше нет смысла. Но сказать правду она тоже не могла, тогда бы следователь перестал ей доверять, поэтому решила ограничиться полуправдой:

– Я как раз хотела вам сказать, что нашла ее у дочери во время сбора вещей.

Уваров нахмурился и пристально посмотрел ей в глаза.

– Продолжайте.

– Это дневник Тамары, возлюбленной Тихонова.

– Той, что была на фото? – уточнил Уваров.

– Думаю, да.

– Где он сейчас?

– У меня, – она достала его из сумки и протянула следователю.

Уваров понял, что дневник с самого утра находился в сумке Клары, и во время их встречи она могла его отдать.

– Вы понимаете, что чинили препятствия следствию? В этой тетради может содержаться важная информация, – в голосе его лязгнула сталь, взгляд стал отчужденным.

– Я намеревалась его отдать, но вы переключили меня на книгу о таинственных знаках, и тетрадь попросту вылетела из головы, – быстро нашлась Клара.

Уваров положил дневник в спортивную сумку и завел мотор. До самого дома Клары они ехали молча. Следователь плотно сжимал губы, обдумывая ситуацию.

Через час они поднялись в квартиру Лили, Клара открыла дверь своим ключом. В квартире было темно и тихо. Уваров отодвинул спутницу в сторону, зашел первым, нащупал на стене выключатель, и холл залило ярким светом.

– Странно. Лиля уже должна была вернуться и готовить ужин.

– Может, задержалась в магазине или пошла за продуктами? – предположил следователь и поставил сумки на пол в коридоре.

Клара поблагодарила его и предложила кофе. Уваров согласился и снял крутку. Настроение его не изменилось, и Клара спросила:

– Вы все еще злитесь на меня из-за дневника?

– Если вы сказали правду, мне незачем на вас злиться, – многозначительно ответил следователь.

– Вы сказали «если». Думаете, я вам соврала?

Уваров взял паузу, с прищуром разглядывая свидетельницу. Прокрутил варианты возможных событий и выдал самый вероятный:

– Вы обнаружили дневник у дочери после того, как подписали показания, а потом из любопытства решили его прочесть, но пока ничего полезного для расследования не нашли, поэтому он все еще у вас.

Решение признаться Клара приняла мгновенно: присела на кухонный табурет и с виноватым видом в деталях поведала Юрию, когда нашла дневник.

– А как вы поняли, что он у меня?

– Коваленко нашел свидетеля, который видел, как ваша дочь забрала тетрадь, и я сразу вспомнил о том, как вы поспешно убежали из ресторана. Вы хотели найти ответы и явно знали, где они могут быть.

Клара извинилась и созналась, что не на шутку увлеклась этой историей.

– Значит, там ее воспоминания? – немного разочарованно спросил следователь.

– Да. Они с Тихоней познакомились, когда им было по тринадцать лет. – И Клара поведала все, что успела узнать из дневника.

Уваров допил кофе и снисходительно уведомил:

– Я сделаю вам копию. Все равно мне некогда его читать.

Клара набрала номер мобильного телефона Лили, но та не ответила на звонок. Тогда Клара попросила Уварова подвезти ее к цветочному салону.

Припарковав автомобиль перед салоном, они увидели, что внутри горит свет. Клара открыла дверь и ахнула: Лиля лежала на полу, без сознания. Ее тело было холодным, как лед, губы посинели, пульс еле прощупывался.

– Вызовите скорую!

Уваров быстро набрал номер диспетчера скорой помощи и, представившись, назвал адрес. Затем посмотрел на витрины и кассовый аппарат.

– Похоже, вас грабанули.

Двери периодически открывались, запуская или выпуская из реанимационного отделения очередного врача или медсестру. Клара вглядывалась в их лица в надежде, что кто-то сможет сказать о состоянии подруги, но на все вопросы ей отвечали: «Информации пока нет».

Из лифта вышел Уваров и быстрым шагом направился в ее сторону.

– Ну, как она?

– Мне ничего не говорят, я не знаю, что и думать.

Уваров позвонил в дверь реанимационного отделения, поздоровался с дежурной медсестрой, показал ей удостоверение и попросил вызвать врача. Не прошло и пяти минут, как в коридоре показался мужчина лет сорока в медицинской униформе. Они приветливо поздоровались, как будто были знакомы, и врач начал что-то оживленно рассказывать, жестикулируя. Уваров внимательно его слушал, засунув руки в карманы джинсов, и медленно раскачивался с пятки на носок.

Следователь вернулся к Кларе и сказал:

– Она все еще без сознания, но состояние стабильное. Про плод говорить еще рано, но...

– Но что? – тут же вскочила Клара.

– У нее тяжелая форма гипотермии.

– Что это такое? – от волнения у Клары перехватило дыхание.

– Низкая температура тела. Сегодня дежурит заведующий отделением, он лично занимается вашей подругой. Я его знаю, толковый мужик. В прошлом году он моего опера вытащил с того света. Сказал, что здесь сидеть бесполезно. Нам позвонят, когда Лиля придет в сознание. У нее есть близкие?

– Родители умерли. Есть муж, но они на днях расстались.

– Как расстались? Она же беременна.

– Он не знает о ребенке.

– Понятно. Изменил, что ли? – предположил Уваров и усмехнулся.

Клара подтвердила.

– Знакомо до боли, – с горечью ответил следователь.

– Что, и вы тоже?

– Бывшая жена. Два года назад. – он скривился в брезгливой гримасе и тут же увел разговор в рабочее русло: – Мне нужны ваши показания: необходимо установить, на какую сумму был причинен ущерб. Я сам займусь этим делом. Группа криминалистов уже работает в вашем магазине.

– Надо позвонить мужу Лили.

Клара выудила из кармана плаща мобильник, отошла в сторону и набрала телефон Кирилла. Услышав его голос, она представилась и сдержанным тоном уведомила:

– Лилия в реанимации.

– Что случилось?

В трубке послышался: шорох, сонный женский голос спросил: «Кто это?». Клара ощутила укол обиды за подругу.

– На салон было совершенно нападение. Мы нашли Лилию без сознания, – сообщила Клара и назвала адрес больницы.

– Я сейчас приеду, – быстро ответил Кирилл и отключил связь.

Клара убрала телефон в сумку и вернулась к Уварову. Он протянул ей белую папку:

– Это ксерокопия дневника. Я решил, что вам стоит его дочитать.

Клара прижала папку к груди, на бледном и уставшем лице появилась слабая улыбка. Следователь понял, что воспоминания Тамары для свидетельницы стали чем-то большим, нежели просто любопытное чтение.

Глава третья. Новые загадки

Ближе к двум часам ночи Уваров подвез Клару к дому подруги, где она приняла душ и выпила горячего чаю. Хозяйничать в чужой квартире, да еще когда хозяйка находилась между жизнью и смертью, ей было неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.